

ДЕТЕКТИВ



СВЕТЛАНА

АЛЕШИНА

СЛАДКАЯ ПРИМАНКА



Светлана Алешина
Сладкая приманка (сборник)

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Сладкая приманка (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
1999

В небольшом городке царит паника. За последний месяц прогремело пять взрывов. Убиты и искалечены десятки людей. Характер взрывов говорит о том, что это дело рук маньяка-террориста. Психолог МЧС капитан Ольга Николаева решает обратиться к убийце с экрана телевизора. Она уверена – он клюнет на приманку...

Содержание

Сладкая приманка	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Алешина

Сладкая приманка (сборник)

Сладкая приманка

Глава первая

Ничто не предвещало, что этот последний августовский день, начавшийся в привычной суматохе наших обыденных спасательских дел, всколыхнет весь Тарасов. Разыгравшуюся трагедию мог задумать и осуществить лишь человек с патологически извращенным умом.

Дежуривший в тот день Александр Васильевич Маслоков, по прозвищу Кавээн, получивший после событий в Булгакове майора, скучал у телефона и с завистью поглядывал, как мы с Игорьком азартно сражались в шахматы, пытаюсь доказать друг другу не столько преимущество своего стиля игры, сколько перспективность образа мышления. Игорек, штатный аналитик нашей ФГС-1 – федеральной группы спасателей с допуском на все объекты, кроме сверхсекретных, недавно ставший капитаном МЧС, был большим поклонником Шерлока Холмса, точнее его метода дедукции, поэтому в шахматах предпочитал стиль Анатолия Карпова. Меня же от просчитанных на двадцать ходов вперед, осторожных и рационально построенных комбинаций этого советского чемпиона мира охватывала такая скука, что хотелось перевернуть доску и раскидать все фигуры.

Моей психической организации гораздо больше соответствовала кажущаяся нелогичность, парадоксальность и интуитивная импровизация Михаила Таля. Впрочем, для Игоря шахматы были только поводом для подчеркнута индивидуального контакта со мной. Все его многочисленные попытки установить между нами какие-то особо доверительные или даже интимные отношения я всегда мягко, но уверенно пресекала. До конца он, по-моему, с этим не смирился и продолжал настойчиво добиваться своего, правда, каждый раз каким-нибудь окольным путем... Как вот сейчас – за шахматной доской...

Даже будучи увлечена игрой, я в силу профессиональной привычки психолога наблюдать за собеседником, тем не менее следила за реакциями и эмоциями своего партнера и отчетливо видела, что, выигрывая у меня, он испытывает такое удовольствие, словно ему удалось затащить меня к себе в постель...

Наш обожаемый командир Григорий Абрамович по прозвищу Грэг укатил в Москву получать в министерстве подтверждение на новые звания для троих из нашей четверки. Он тоже совсем недавно получил звание подполковника. Возможно, заодно и новый допуск для нашей группы привезет – нулевой, то есть «без ограничений».

Кавээн жестоко завидовал Игорю во всем, что было связано с проявлением интеллектуальных способностей. Сам он в шахматы играть не умел, и глубокий анализ ситуации никогда не был его коньком. Но главное, что требовала его должность старшего эксперта по оперативной обстановке, – это способность мгновенно принимать в любой ситуации правильное решение, что ставило его в совершенно независимое положение в нашей группе. Нам-то с Игорьком всегда нужно было спокойно, сосредоточенно подумать, прежде чем что-либо предпринять...

Кроме того, Кавээн серьезно, по-мужски, дружил с Грэгом лет, наверное, уже с десятков. Им с нашим командиром на двоих было уже за восемьдесят, а нам с Игорьком вместе не стукнуло еще и пятидесяти пяти.

Вряд ли Кавээн отдавал себе отчет в том, что он завидует Игорьку. Но завидовал он еще и тому, как Игорек непринужденно разговаривает со мной и вообще его свободной манере

держаться с женщинами. Для Кавээна же общение с женщиной – это какая-то трудная работа, он смущается и боится противоположного пола, хотя практически всем женщинам нравится его мужественность, и он всегда вызывает в них живой интерес. Правда, ненадолго...

Поэтому Кавээну ничего другого и не оставалось, как только размышлять над очередным кроссвордом, изредка поглядывая на подозрительно долго молчавший телефон... Пару раз он даже снимал трубку, проверяя, не отключили ли нас от городской сети, мало ли что – может быть, наше тарасовское территориальное управление МЧС задолжало связистам за пару месяцев...

Но телефон молчал, хотя обычно мы без дела долго не сидели – спасателям в современном городе всегда, как это ни печально, находится работа: то вызволять искалеченного водителя из покореженного в ДТП автомобиля, то вытаскивать слишком любопытного пацана из заводской вентиляционной шахты или снимать с крыши доведенного жизнью до отчаяния самоубийцу.

В последнем случае – уговорить, снять стресс, нейтрализовать истерически-суицидальный синдром – все это у нас в группе входит в обязанности капитана МЧС, экстремального психолога второй категории Ольги Николаевой, то есть в мои.

Иногда и ФСБ за помощью обращается – в рамках соглашения о сотрудничестве, подписанного год назад нашими министрами, выполнявшими так называемый ОБЖ – указ президента «О безопасности жизни в России»... Разные, словом, ситуации случаются.

Честно говоря, молчание телефона меня тоже настораживало. Сидеть без дела у спасателей – плохая примета. Только совсем зеленые новички могут радоваться безделью. Те, кто поопытнее, чувствуют – готовится что-то серьезное, из обыденного ряда вон выходящее... Меня наше вынужденное безделье волновало каким-то неясным предчувствием, я даже зевнула пешку, чем здорово ослабила свою позицию на королевском фланге.

Прозвучавший наконец телефонный звонок резко ударил по нервам. Кавээн вздрогнул и снял трубку. Не знаю почему, но в душе у меня уже родилось ощущение какой-то беды. Я тоже вздрогнула и уставилась на Кавээна.

Главное его достоинство – мгновенная моторная реакция. Он держал трубку секунд пятнадцать, затем пришел в движение. Телефонная трубка еще не долетела до рычага, а Кавээн уже успел нажать кнопку общей тревоги, по которой диспетчер управления МЧС объявлял сбор подразделений гражданской обороны, и теперь стоял у стенного шкафа и доставал из него свой рюкзак со спецснаряжением. Уже подойдя к двери, он крикнул нам с Игорьком:

– Взрыв в роддоме. У вокзала. Шесть минут назад. В машину. Быстро!

Кавээн имел право нами командовать в отсутствие командира, как старший по званию, да и по опыту работы спасателем.

Шахматная доска полетела на пол, задетая моей неосторожной рукой.

– Ничья! Согласна? – крикнул Игорек, вылетая вслед за Кавээном в коридор.

«Конечно, согласна! – подумала я, глядя на спину Игорька, бегущего впереди меня по длинному коридору к выходу. – Эта ничья – в мою пользу. Положение-то у меня проигрышное...»

И тут же все мысли у меня из головы вытеснила мгновенно вспыхнувшая тревога, вылившаяся в одно имя – Сергей! Во втором роддоме, что у железнодорожного вокзала, работал Сергей Ясенев, Сережа, моя первая, неудавшаяся любовь и первая, самая острая боль...

Мы с ним любили друг друга целый год. Сильно любили... Пока однажды он не заявил мне, что ему не нужен никакой спасатель. Что он сам себя спасет, если возникнет такая необходимость, что спасателем должен быть мужчина, а не женщина. «В семье, я имею в виду», – добавил он тогда. «В семье...» Он думал о семье, а я – о своей диссертации, которую начала тогда писать... Вот вам и вся драма наших отношений. Теперь я кандидат психологических наук с неустроенной личной жизнью... Банально? Да уж куда банальней. Но как больно... Уте-

шает только одно – что мне всего двадцать четыре года и есть еще время забыть о его существовании.

Расстались мы три года назад, и с тех пор я его не видела. Не знала, что с ним, как он сейчас живет, не женился ли?.. Мне было известно только, что работает он в роддоме, психоэмбриологом. Всегда, кстати, считала, что эта отрасль психологии занимается профанацией – нет у эмбриона никакого сознания, его психика целиком бессознательна, и все действия психотерапевта сводятся к воздействию на психику будущего ребенка химическими, точнее сказать, фармакологическими средствами через организм матери. И по этому поводу мы с Сергеем тоже спорили жестоко и часто. Он утверждал, что у матери и ребенка до его рождения общая психика и сознание ребенка уже начинает формироваться под влиянием развитого сознания матери.

Кавээн уже сидел за рулем нашего спасательского «рафика», выкрашенного в яркие красно-синие цвета. Я впрыгнула в машину последней, дверь закрывала уже на ходу, когда мы выезжали из ворот управления на Камышинскую. До роддома ехать было километра полтора по центральным улицам с интенсивным движением. Кавээн включил сирену и направил «рафик» в самую гущу машин. Все шарахались с нашего пути, уступая дорогу красно-синему автомобильному снаряду. Мы уже привыкли к скорости, с которой Кавээн возил нас на вызовы, и, едва попав в машину, привычным жестом пристегивали ремни безопасности.

Тарасовские водители знали уже по собственному опыту, что со спасательским «рафиком» лучше не связываться. Задеть кого-то и оторвать, например, крыло у какой-нибудь машины – это Кавээн мог запросто. И такие случаи уже бывали. Виноват в столкновении всегда был Кавээн, но сам он не расплачивался с теми, у кого слегка изуродовал машину. Платило в таких случаях управление МЧС, но платило, конечно, неохотно, и деньги получить с него можно было не раньше, чем через полгода.

До роддома мы долетели минуты за три. Зрелище было мрачное. Трехэтажное здание роддома представляло собой букву П с короткими ножками. Взрыв произошел в средней части на втором этаже. Что там случилось, отчего произошел взрыв, пока можно было только гадать. Но в самом центре здания на уровне второго этажа зияла дыра, из которой вырывались языки огня и клубы дыма... Кругом стоял визг, крики женщин и медперсонала, пытающегося хоть как-то руководить роженицами.

Мы прибыли вслед за пожарниками, которые уже влезли внутрь со своими шлангами и поливали все вокруг, нисколько не заботясь о том, что в палатах еще оставались младенцы и роженицы... Нам нужно было срочно начать эвакуацию. Я отчаянно крутила головой в надежде увидеть Сергея, но его на улице не было.

Кавээн уже выяснил у пожарников, где был эпицентр взрыва. Всем нам предстояла адская работа.

Взрывом отрезало от главного выхода палату младенцев. Существовал, конечно, запасной выход с другой стороны, но он оказался заставленным всяким ненужным хламом – разобранными пружинными кроватями, медицинским оборудованием, которое еще не списали, но уже заменили новым, сломанными стульями, ожидающимися ремонта. Пройти по нему можно было лишь боком, и эвакуация была очень затруднена. Единственный вариант, который можно было серьезно рассматривать, – это встать цепочкой и передавать младенцев из рук в руки. Две медсестры и врач, метавшиеся в палате младенцев, не знали, что делать.

С той стороны, где произошел взрыв, по внутренним помещениям в сторону этой палаты двигалось пламя. Огню оставалось пройти каких-нибудь метров тридцать. Пожарники попытались в одном месте его перехватить, но безуспешно – огонь просочился, протек через их пенный блок и, вновь собравшись с силами, двинулся дальше по деревянным панелям коридора, по мебели и занавескам.

Под общий рев младенцев, заглушающий временами даже шум рвущегося из окон в небо пламени, медсестры вытаскивали новорожденных, беря в охапку по четыре живых кулечка и кое-как протискиваясь с ними через захламленный запасный выход. Вынести на улицу и сдать под надзор четверых санитарок удалось пока только шестнадцать новорожденных. В палате оставалось еще в два раза больше.

Это была жуткая в своей неправдоподобности картина – завернутые в пеленки, а кое-где и развернувшиеся беспомощные грудные дети лежали на газоне, огражденном чугунной оградой, и кричали что есть мочи. Санитарки бегали между ними, совали им в рот соски, пытались завернуть тех, кто развернулся, тут же бросались принимать новых младенцев из рук медсестер и укладывать их на траве, в общий орущий «строй»...

Кавээн, едва разобравшись в обстановке, сразу же бросился в правое крыло, где сосредоточился почти весь медперсонал, и тут же включился в общую работу – выводить, выносить и не пускать в здание уже родивших матерей, которые рвались в огонь за своими детьми. Многие из них успели увидеть своих младенцев один-два раза, а некоторым это и вовсе не довелось. Там была суматоха и толкучка.

Мы с Игорьком побежали в левое крыло спасать новорожденных, оставленных на попечение двух медсестер и одного врача. Если оценивать ситуацию объективно – грудные дети были брошены на произвол судьбы... Уже в дверях запасного выхода дорогу нам преградил мужчина в разорванном, обгоревшем больничном халате, заляпанном пеной из огнетушителя. Все его лицо было покрыто черными разводами копоти.

– Назад! – закричал он нам. – Все – в то крыло! Быстро!

Игорек попытался отстранить его с дороги, но получил такой удар кулаком в лицо, что отлетел от двери и едва устоял на ногах.

– Ты что делаешь, гад? – заорала я на врача. – Там же дети!

– Ух ты, козел! – пробормотал Игорь, приходя в себя. – Да я тебя сейчас!

Врач посмотрел на меня в упор взглядом человека, сосредоточенного на своих мыслях. Сердце мое радостно ухнуло куда-то вниз – это был Сергей! Но мгновенная радость уже сменилась волной раздражения – опять он за свое, опять он командует и хочет заставить меня, нас с Игорьком, делать все по-своему!

По-моему, он меня не узнал. В ответ на наши угрожающие движения он схватил со стены огнетушитель и приготовился включить его ударом об пол.

«Тоже мне – оружие против Игорька нашел!» – подумала я.

– Спасайте женщин! – крикнул он. – Они еще нарожают...

– Оставь его! – Я дернула за рукав Игорька, уже приготовившегося провести боевой прием, грозивший Сергею как минимум сломанной рукой. – Время потеряем!

Мы и в самом деле могли застрять в этом коридоре надолго. Сергей был ростом около двух метров, атлетом его, конечно, не назовешь, но преграду в узком захламленном коридоре он представлял существенную. И неизвестно еще, удалось бы Игорьку с ним справиться. Силой его Бог не обидел, я помню, что меня он поднимал на руки легко, как пушинку, и нес в спальню без малейшего усилия...

Во двор роддома одна за другой влетели четыре «скорые», из них буквально высыпались люди в белых халатах. Они принялись подбирать с земли младенцев и загружать их в машины... За оградой раздался визг тормозов, и из крытого брезентом «ЗИЛа» начали высккивать наши спасатели-волонтеры – прибыл первый взвод гражданской обороны.

«Скорые» загрузились и умчались, чтобы вскоре вернуться за новой партией едва обретших жизнь, но уже рисковавших потерять ее человечков...

– Оставь его, Игорь! – Я сама чуть не врезала Игорю, чтобы заставить его успокоиться и начать соображать. – Пожарная лестница!

Игорь наконец понял меня. Он плюнул в сторону заслонившего собой дверь Сергея с огнетушителем в руках и побежал к пожарной машине с выдвижной лестницей, которая стояла за оградой роддома. Я бросилась к нашим добровольцам-«партизанам» объяснять им их задачу. Офицер МЧС в любой ситуации может взять на себя оперативное управление подразделением ГО, если этого требует обстановка. Через две минуты верхний конец лестницы уже выбил стекло в одном из окон палаты младенцев, а «партизаны» выстроились на ней в цепочку и начали передавать с рук на руки захлебывавшихся плачем детей...

«Теперь вроде бы успеем! – подумала я. – Вот скотина!»

Последнее, естественно, относилось к Сергею. Он всегда принимал наиболее целесообразное решение, даже если оно было жестоко. И теперь, выбирая между матерью и ребенком – кому из них остаться в живых, – он отдал предпочтение матери в расчете на ее «репродуктивную функцию» – так это звучит на его языке...

Словно ему, профессиональному психологу, не было известно, каким стрессом обрабатывается для матери трагическая потеря ребенка, особенно для современной городской женщины, уверенной в большинстве случаев, что она пришла в этот мир не бороться с многочисленными врагами за свое выживание, а для того, чтобы его украшать... Психика современного человека разорвана представлениями о том, как он хочет ощущать себя в этом мире, и реальными возможностями существования. Представления большинства женщин о желанном образе жизни, к сожалению, формируются чаще всего не реалиями их жизни, а уровнем их интеллектуального развития, степенью эмоциональности и общим состоянием культуры общества... С трудом могу представить себе сегодня городскую женщину, которая перенесет смерть ребенка без какого-либо расстройства психики и станет рожать еще и еще, наперекор судьбе и смерти.

«Чертов сухарь!» – подумала я негодуя и тут же вспомнила, несколько даже растерявшись, как этот «сухарь» говорил мне такие слова, от которых не только голова кружилась – все вокруг меня кружилось, кроме его склоненного надо мной лица, кроме его глаз, проникающих в самую глубину моей смятенной души, кроме его губ, жадно приносящих к моему телу.

«Стоп! – прикрикнула я на саму себя. – Опомнись! О чем ты думаешь? Ты должна думать о том, как помочь этим несчастным женщинам, многие из которых потеряли сегодня детей, а ты думаешь о себе, словно ты несчастней всех их. Прекрати сейчас же жалеть себя! У тебя и ребенка-то никогда не было».

На последней фразе я стиснула зубы, стряхнула с ресниц неожиданно накатившие слезы и, подхватив с кровати беспомощно смотрящую на меня молодую женщину, осторожно повела ее к лестнице на первый этаж, оберегая от толчков ее огромный живот и следя, чтобы она не шагнула мимо ступеньки, – живот мешал ей видеть, что у нее под ногами... Женщина вцепилась в мою руку побелевшими от напряжения пальцами и смотрела вперед широко раскрытыми глазами.

Я прошла с ней уже один пролет лестницы, когда до меня вдруг дошло – она же еще не родила! Что же она делает в послеродовом отделении на третьем этаже? Ведь родильное отделение на втором этаже... Как раз в нем и произошел взрыв...

– Послушай, ты как оказалась наверху? Ты же не родила еще! – Я остановилась на площадке между этажами и заглянула ей в глаза.

Кроме страха, в них ничего не было...

– Я не буду никого рожать, – забормотала женщина. – Я не хочу никого рожать... Мне и одной хорошо, мне не нужно никого. Оставьте меня в покое! Я... Я ненавижу детей!

Я с опаской покосилась на ее живот. Какое там не буду! Хочешь или не хочешь, а придется... И в самое ближайшее время, буквально – не сегодня-завтра.

На вид ей было лет пятнадцать. Я не удержалась и погладила ее рукой по голове.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Чайкина Лариса.

– Мы с тобой сейчас успокоимся и поговорим, вот только на улицу отсюда выберемся.

– Да! Я хочу уйти из этого ужасного места! Я не хочу ничего! Я не хочу видеть врачей!

Они все мертвые... Я ненавижу мужчин...

«Да это же самый настоящий бред!» – подумала я.

Мы все еще стояли на площадке между этажами, и Лариса не двигалась с места, несмотря на мои легкие подталкивания. Она вцепилась в перила и закричала:

– Я не пойду туда! Я боюсь!.. Я не хочу туда...

«Она была в том помещении, где произошел взрыв, – сообразила я. – Она поднималась по этой же лестнице на третий этаж и теперь не может заставить себя спускаться. Я не должна ее заставлять пройти этот путь еще раз... Что же делать?»

– Хорошо, мы не пойдем туда, – сказала я перепуганной Ларисе совершенно спокойно, словно у нас с ней был выбор – спускаться вниз или не спускаться. – Давай поднимемся обратно.

И мы начали опять подниматься наверх, вызывая в лучшем случае недоуменные взгляды у тех, кто спускался вниз, а в худшем – раздраженные крики женщин и врачей, двигавшихся нам навстречу. Я впервые слышала, как матерятся беременные женщины, и это меня, скажу честно, не очень поразило... Гораздо больше меня поразили их глаза... У некоторых уже начались родовые схватки, в их взглядах и в их криках я видела и слышала только боль, только желание, чтобы все это поскорее кончилось, все равно как.

– Куда вы меня ведете? Я рожаю! – кричала женщина лет тридцати и, ухватившись за перила рукой, образовала на лестнице пробку.

Медсестра пыталась оторвать ее руку от перил и не могла этого сделать...

– Да сделайте же ей кто-нибудь укол! – истерично старалась перекричать вопли женщины медсестра. – Она же прямо на лестнице сейчас родит! Ее нужно довести до машины. Да не ори ты, стерва!

Лариса смотрела вокруг с ужасом. Время от времени она оборачивалась в панике назад и начинала судорожно трясти головой.

– Я не хочу! Не хочу! – бормотала она, и слова ее становились все более бессвязными и невнятными, превращались в какое-то подвывание.

Мы поднялись с ней на третий этаж, я подвела ее к окну и открыла створки. Внизу суетились люди, сверху их передвижения казались бессмысленными и паническими, но только для непосвященного взгляда. Я сразу определила, что есть два основных направления движения, по которым движутся все, кого я видела внизу: одно – из главного входа, не пострадавшего от взрыва, к многочисленным машинам, сгрудившимся во дворе роддома, второе – от машин обратно ко входу. Это за остающимися еще в здании женщинами возвращались спасатели и часть работников роддома.

Прямо напротив пробоины в стене, образовавшейся от взрыва, на асфальте лежал труп женщины, выпрыгнувшей с третьего этажа... Она в момент падения ударилась затылком об асфальт и в то же мгновение умерла.

Вдалеке, у ограды, я разглядела сидящего на асфальте Сергея. Он обхватил голову руками и сосредоточенно смотрел на свои ботинки... Я поняла, что младенцев из левого крыла эвакуировали... Лестница только еще отъезжала от стены здания.

– Эй! – закричала я, не жалея голосовых связок, в раскрытое окно. – Давайте сюда! Лестницу сюда! Нужно снять женщину!

Какой-то слишком умный пожарник начал махать мне руками и объяснять, что там, у меня за спиной, есть лестница, которая выходит как раз к главному крыльцу роддома. По ней, мол, отлично можно спуститься, и что же это я, мол, сижу на окне и ору на весь двор.

– Надо мне, вот и ору! – сказала я вслух. – Умник нашелся.

Лариса вцепилась в мою руку и не выпускала ее, словно это была какая-то надежная опора в страшном мире, где вокруг только смерть и взрывы... Я посмотрела на нее и вновь подумала, что вести ее по лестнице нет никакой возможности... Этого просто ни в коем случае нельзя делать. Жизнь-то ей и ее ребенку я спасу, но вот вылечить от неизбежной в этом случае психической болезни, похоже, не сумею никогда.

Я снова высунулась по пояс в окно. И чуть не выпала из него от радости.

– Игорь! – завопила я. – Игорек! Я здесь! Подгони лестницу!

Игорю не нужно ничего долго объяснять. Он сразу понял, что раз я об этом прошу, значит, так нужно. И не требуется задавать никаких вопросов и ничего советовать. Я наверняка сама все продумала. Расспросить о подробностях он меня всегда сможет и позже. А сейчас нужно прежде всего помочь... Это же один из законов неписаного Кодекса первых спасателей: «Не давай советов, когда от тебя ждут помощи».

Спускалась по выдвижной пожарной лестнице Лариса с гораздо меньшим страхом, чем по внутренней лестнице здания, хотя я не могу назвать этот способ спуска особенно удобным, тем более для женщины с огромным животом, которая вот-вот должна родить... Однако мы с ней преодолели этот путь без всяких происшествий. Я задала ей несколько контрольных вопросов, убедилась, что стрессовое состояние не переходит в аффективную стадию, и отправила ее в первую областную больницу уже полностью, как мне показалось, успокоившуюся. По крайней мере внешне.

К роддому вновь подлетела машина «Скорой помощи». Из нее выскочили двое крепких санитаров, начали быстро подбирать с асфальта младенцев и совать их в машину... Движения их были сноровистыми, действовали они стремительно, может быть, даже чуть торопливо, но это, наверное, простительно в создавшейся ситуации. Пока я смотрела на них, у меня, право же, сложилось впечатление, что эти санитары работают не хуже наших спасателей.

Из главного входа роддома вдруг выбежал Кавээн и прямым ходом направился к «Скорой помощи». Санитары к тому времени успели загрузить в машину шесть младенцев, в руках у них было еще по одному. Увидя бегущего к ним Кавээна, они на секунду остолбенели, но мгновенно пришли в себя и с младенцами в руках нырнули в машину. Мотор «Скорой» взревел, и она рванула с места, взяв сразу под шестьдесят. Двигатель, видно, был новенький.

Они едва не ушли от Кавээна. Ему удалось догнать машину как раз в тот момент, когда она набирала скорость... Дядя Саша прыгнул на крышу «Скорой», и вцепившись в мигалку, исчез вместе с ней за ближайшим поворотом.

Я повернула голову к Игорю в полном недоумении.

– Что это было? – спросил он, тоже глядя на меня круглыми глазами.

– Заводи! – заорала я, бросаясь к нашему «рафику».

Помощь наша с Игорьком Кавээну сейчас явно не помешает. В этом я была совершенно уверена.

Мы успели вывернуть за угол, когда на дальнем конце квартала «Скорая» с болтающимся на ее крыше Кавээном заворачивала на другую улицу. Еще мгновение, и нам не удалось бы их найти.

– Ага! – закричал Игорь. – Сейчас я вас достану!

В этот момент я убедилась в справедливости поговорки «С кем поведешься, от того и наберешься». Наш «рафик» едва не поднялся на дыбы и устремился за «Скорой» во весь опор. Может быть, виною тому были выбоины в асфальте, но я ощущала самые натуральные скачки. Мне на мгновение показалось, что за рулем сидит сам Кавээн и жмет, что называется, на всю железку.

Догнали «Скорую» мы метров через триста... Кавээн уже переполз на лобовое стекло и лишил водителя возможности ориентироваться. Знаю точно, что кулаком разбить лобовое

стекло невозможно, но Кавээну это удалось. Я иногда думаю, что руки у дяди Саши не иначе как из чугуна. Гвозди он вдавливал в доску просто так – пальцами.

«Скорая» заюлила, шарахаясь от одного тротуара к другому. Хорошо еще, что встречного движения не было, улица, по которой мы ехали, с односторонним движением. Игорек подобрался к потерявшей скорость машине вплотную и притер ее к стене дома. Бампер «Скорой» уперся в гранит фасада, и она остановилась.

Кавээн уже был на ногах и вытаскивал из машины одного из санитаров. Другой, выскочив на мгновение раньше, ударом кулака сбил с ног вылезавшего из «рафика» Игорька, отшвырнул меня с дороги и бросился бежать к перекрестку.

– Ах ты, сволочь! – крикнула я, крепко приложившись к асфальту. – Ну, погоди!

С этим кличем волка из известного мультфильма я вскочила на ноги и помчалась вдогонку. Сбивший меня с ног санитар был массивный и, вероятно, очень сильный мужчина... Поэтому справиться с женщиной, пусть и владеющей некоторыми спецприемами, ему не составило труда... Но по той же самой причине он бегал гораздо медленнее меня... Прежде чем он скрылся за углом, я успела почти догнать его, и за угол мы повернули уже практически одновременно.

Я слышала, как санитар дышал, словно загнанная лошадь, хотя пробежал-то он всего, наверное, метров сто... Он понял, что скрыться от преследования ему не удастся. Он оглянулся и увидел, что преследует его та самая женщина, которую он, как пушинку, только что отшвырнул со своей дороги... Решение, которое в этот момент возникло у него в голове, я уже знала и именно на него и рассчитывала... Он решил остановиться и разобраться со мной... Теперь главное – действовать точно и расчетливо, как учил меня мой первый наставник в искусстве рукопашного боя дядя Костя Чугунков в лагере спецподготовки, где я проходила сборы.

Уловив момент, когда он сбросил скорость, я не сделала того же самого, а, напротив, прибавила ходу и с разлету врезалась в его тело... Ей-ей, мне показалось, что я налетела на каменный забор! Но я знала, что у любого человека, будь он даже похож на каменный забор, есть уязвимые места в отличие от этого самого забора. В момент столкновения я чуть развернулась, и мой правый локоть с разлету врезался ему прямо в позвоночник чуть ниже лопаток. Главное – это точно попасть между позвонками. Я должна была уподобиться тореадору, который, нанося стремительный укол разъяренному быку, должен точно попасть в его самое уязвимое место размером с пятикопеечную монету. Судя по тому, как замычал мой противник после моего удара, я попала в цель...

Санитар споткнулся и с разлету грохнулся на асфальт. Прележав неподвижно секунд пять, он пошевелился и начал медленно подниматься. Я стояла перед ним и раздумывала – куда бы ему врезать? Он был полностью открыт для удара. Я уже почти решила бить его носком ботинка в левое ухо, вернее, чуть ниже, где расположена особая точка, удар по которой парализует человека на некоторое время, но в этот момент услышала сзади себя урчание мотора.

– Игорь! – закричала я. – Сюда! Я здесь!

Игорь через мгновение был рядом. Амбалистый санитар понял, что теперь ему не уйти, и грузно вновь опустился на асфальт. До него дошло, что он окончательно попался...

...Когда мы вернулись к «Скорой», Кавээн устраивал допрос с пристрастием второму санитару. Признаюсь, таким разъяренным я его еще не видела... Он посадил санитару на землю и бил его головой о фонарный столб. При этом он кричал, перемежая вопросы с риторическими восклицаниями, полностью состоящими из ненормативной лексики.

– Кто тебя послал к роддому? – кричал Кавээн. – На кого ты работаешь?

Парень что-то мычал, продолжая под ударами Кавээна биться головой о столб.

Игорь с трудом оттащил майора от парня, сам едва не получив от него подзатыльник.

– Ты у него последние мозги выбьешь! – кричал он Кавээну. – Он же ничего нам не ответит, если сейчас сознание потеряет.

Кавээн немного успокоился. Игорь понизил голос и спросил наконец у Маслюкова:

– Ты чего на них набросился?

– Как чего! – возмутился Кавээн. – Ты не узнал их, что ли?

– Не-ет... – протянул растерянный Игорь. – А кто это?

– А это те самые Степаненко и Петросян, которых из нашего управления год назад выгнали... Ольге-то простительно, она их если и видела, то всего раза два, не больше.

Игорь внимательно посмотрел на парня, который перестал колотиться лбом об столб и размазывал по лицу кровь из ссадины на брови.

– Послушай-ка! – воскликнул Игорь. – Это точно Женька! Так тебя, значит, не посадили после той истории, когда ты со своим дружкой собрал килограмм золота с погибших при крушении поезда людей? А здесь ты что делаешь? И как около роддома оказался? И зачем детей в машину грузил?

До Игоря дошло все сразу, и он завалил парня теми же вопросами, которые задавал ему Кавээн.

Парень, до того смотревший на Игоря с некоторой надеждой, увидел на его лице то же выражение, что и у Кавээна, взвыл и сам, без малейшего понуждения со стороны, врезал лбом по столбу.

... Часа два спустя мы с Игорьком сидели у чугунной ограды роддома, курили «Winston», который оба предпочитаем всем другим иностранным сигаретам, и смотрели, как волонтеры из роты гражданки, то есть гражданской обороны, присланной диспетчером на ЧП в роддоме, приступают к разбору завала, образовавшегося на месте взрыва, а пожарные, справившиеся с огнем, сматывают свои шланги. Здесь нас и разыскал Кавээн.

Задержанных санитаров мы сдали милицейской опергруппе, младенцев отвезли в ту больницу, куда поступили и все остальные... Кавээн нашел нас, когда мы обсуждали то небольшое, чего удалось нам добиться от пытавшихся украсть младенцев «санитаров». Да-да, именно украсть детей пытались бывшие спасатели Петросян и Степаненко... С трудом выдавив из себя, что работают они на Кузнеця, главного авторитета одного из самых крупных районов Тарасова, они замолчали, и больше от них не удалось добиться ни слова.

– Вот они, теоретики-аналитики, Фрейд в обнимку с Холмсом! – Бодренький Кавээн смотрел скептически на наши заморенные физиономии.

Когда он говорил обо мне, то непроизвольно старался избегать слов женского рода. Впрочем, это касалось не только меня, а вообще всех женщин. Это не было с его стороны ни издевательством, ни злой насмешкой, он сам даже не замечал этого. Просто общаться с мужчинами ему было гораздо проще и привычнее, вот он и старался абстрагироваться от моего пола. Он вовсе не думал меня оскорбить, и я всегда прощала ему эти «перлы». Простила и в этот раз.

– Хватит, наверное, дуру-то гнать, дядь Саш, – устало вздохнул в ответ Игорек, совершенно не расположенный к словесным баталиям, после того как практически на себе вытащил из роддома не меньше десятка с трудом державшихся на ногах женщин. – Что у тебя там, еще что-нибудь стряслось? Всегда так – только закуришь, как ты тут как тут... Специально, что ли, следишь?

– Стряслось не стряслось, вместе узнаем, – ответил Кавээн. – Соседи нас опять на разговор приглашают. Что-то нечисто у них с этим взрывом выходит... Все газовые коммуникации в порядке, оказывается. Что взорвалось, неизвестно...

Соседями Кавээн называл ФСБ, которую терпел с трудом, и при любом удобном случае задирался, часто нарываясь на довольно серьезные неприятности, из которых его постоянно выручал осторожный и деликатный в общении Григорий Абрамович...

Кавээн привел нас с Игорем в одну из палат в правом крыле первого этажа, где собрались все, кто хоть что-то смог узнать о причине взрыва.

Руководил этим собранием вовсе не фээсбэшник, как предполагал Кавээн, а следователь областной прокуратуры, молодой парень по фамилии Нестеров. Имени его я не помнила. Он пробовал за мной ухаживать, когда я только еще появилась в тарасовском управлении МЧС, и строил на мой счет далеко идущие планы. Ему не повезло, поскольку у меня тогда были очень близкие и уже очень напряженные отношения с Сергеем, вдобавок ко всему я заканчивала диссертацию, готовилась к защите и времени на личную жизнь не имела совершенно. Из-за чего, вероятно, она и не сложилась так, как мне хотелось бы... А как, собственно, мне хотелось?.. Умная, красивая, не теряющаяся ни в каких ситуациях жена-спасательница, то есть я, и тоже умный, красивый, но... тихий, спокойный, нежный и внимательный, весь какой-то «камерный» муж-психолог, то есть Сергей? Ну признайся сама себе честно, разве он согласился бы иметь в нашей едва не сложившейся семье такой второплановый имидж?.. Плохо ты в людях разбираешься, психолог-спасатель.

Впрочем, хватит об этом. Забыла же я на два часа о Сергее, хотя встретила с ним здесь при весьма необычных обстоятельствах... Вот и не стоит опять вспоминать... Послушаем лучше, о чем с нами хочет поговорить... кто он там сейчас по званию? Ого! Майор Нестеров. Быстро люди в прокуратуре растут... А когда со мной знакомился, помнится, был старшим лейтенантом... Черт! Да как же его зовут-то?.. Александр или Андрей?.. Не помню.

– Хочу сообщить вам первые данные по подсчету пострадавших, – заявил Нестеров, когда собравшиеся в палате расселись по кроватям и немного успокоились. – Пока достоверно установлено, что погибли две женщины, находившиеся в родильном отделении, где произошел взрыв. Одну пока не нашли. Возможно, она находится в завале. Работы там сейчас продолжают. Там же, в родильном, погибли два только что родившихся ребенка. Существовала опасность, что задохнутся в дыму младенцы, находившиеся в палате, расположенной ближе к очагу пожара. Но их удалось эвакуировать с помощью пожарной лестницы... Еще один младенец погиб во время родов, случившихся непосредственно после взрыва, когда женщины рожали во дворе, при общей суматохе... Среди рожениц потерь нет... Впрочем, есть – одна женщина выпрыгнула с третьего этажа и разбилась насмерть.

Он сделал паузу и вздохнул.

– Я специально говорю так много о пострадавших от взрыва, чтобы вы тоже поняли, что нас очень интересуют причины этого взрыва. Как установлено спасателями, а затем аварийной газовой службой, газовые коммуникации оказались в порядке, мало того, они даже не пострадали от взрыва, поскольку проходят в стороне от его эпицентра... Что еще могло взорваться в роддоме, я не могу предположить... Обращаюсь к вам с просьбой: если кто-то из вас сам видел что-то, что могло бы косвенно послужить причиной взрыва, прошу сообщить об этом мне. Кроме того, прошу вспомнить всех женщин и врачей, которые находились в непосредственной близости от эпицентра взрыва, и тоже сообщить о них мне... Если кто-то вспомнит позже что-то заслуживающее, на его взгляд, внимания, найти меня очень просто – областная прокуратура, первый этаж, десятый кабинет, телефон...

Последние его слова потонули в поднявшемся в комнате гуле. Народ обсуждал, кто что видел, кто кого выводил из здания... Задача осложнялась тем, что все мы прибыли на место в разное время, но уже после взрыва, и не могли, собственно, видеть, кто в тот момент находился рядом с его эпицентром, а кто прибежал из другого конца здания, чтобы спасти женщин и детей.

«Чайкина! Лариса! – мелькнуло у меня в голове. – Она же была именно там, где произошел взрыв! Она наверняка что-то могла видеть...»

Но рта я так и не раскрыла. Не знаю, что важнее: найти причину взрыва или сохранить физическое и психическое здоровье этой женщины. Я была уверена, что любое напоминание о взрыве вызовет у нее стрессовое состояние, которое неизвестно еще чем закончится, особенно в сочетании с последними днями, а то и часами беременности... Нет, я не буду помогать

прокуратуре, пусть ищет причину взрыва без моей помощи. Извини, Нестеров, у нас с тобой разные профессиональные задачи.

– Извините, Оленька, что не сразу вас узнал, но вы сильно изменились со времени нашего знакомства, сколько времени-то прошло.

Задумавшись, я не заметила, что народ из комнаты уже почти весь разошелся и я сижу там практически одна, а передо мной стоит Нестеров...

– Что – постарела?

– Вовсе нет – повзрослели.

«Нахал, – подумала я, – ведь он фактически обзывает ту девушку, с которой когда-то знакомилась, глупой девчонкой... И, наверное, еще думает, что делает мне сейчас комплимент...»

– А вы почти не изменились... – ответила я, закладывая в свой ответ легко читаемый подвох. – Я-то вас хорошо помню – совсем юным и стеснительным мальчишкой, и, когда вы на меня смотрели, майор Нестеров, в глазах у вас светился голодный огонек...

Он усмехнулся, но не обиделся, а только улыбнулся и сказал:

– Зачем же так официально? Раньше вы меня звали просто Алешей.

«Ну, конечно! – вспомнила теперь и я. – Ты же Алексей!»

– А что это, Алеша, вы так неумело сейчас людям мозги морочили? – съязвила я. – Раньше, когда с молоденькими девушками знакомились, вы, насколько я помню, были изобретательней.

Он почему-то напрягся.

– Не понял.

– А что тут понимать? – пожала я плечами. – Вы говорите, что не можете предположить, что было причиной взрыва... Не говоря уже о том, что это само по себе неуклюжее вранье, уже через пару фраз вы начинаете интересоваться, не было ли в роддоме в момент взрыва посторонних лиц. Ведь к этому сводились все ваши расспросы, не правда ли, майор Алеша?

Он смутился.

– Оленька, откуда же я мог знать, что эта информация проходит и по вашему ведомству тоже. – Нестеров смотрел на меня, как школьник, которого поймали на неверном ответе у доски. – Ведь это уже пятый взрыв только в августе. Правда, мы проверили почту – на этот раз он не пользовался ее услугами.

«О чем это он? – подумала я. – Пятый взрыв – и все в роддомах, что ли? И кто это, интересно, не воспользовался на этот раз услугами почты?... Да и при чем тут вообще почта? Погоди-ка, Нестеров, что-то ты темнишь... Давай-ка, расскажи поподробнее...»

– Но ведь четвертый взрыв... – пробормотала я, как бы размышляя, в полной уверенности, что он мне сам сейчас все выложит.

– Конечно, ты права, – перебил он меня. – Четвертый взрыв был им совершен в Волгограде. Но почерк!.. Там точно он взрывал! А здесь мы еще сомневаемся... Роддом он трогает впервые. И, главное, непонятно – почему именно роддом... Правда, на его счету районная поликлиника здесь, в Тарасове, и мединститут в Волгограде... Он должен был каким-то образом доставить эту бомбу в роддом, иначе что же взорвалось? Скланки с анализами? В роддоме просто должен был быть кто-то посторонний! У этого взрыва есть автор, я в этом уверен!

«Интересное дело! – удивилась я. – Они, оказывается, террориста ловят... Нет, ребята, я все равно не отдам вам Ларису Чайкину! Вы своими грубыми сапогами просто изуродуете ее душу, а ей матерью становиться... Нет, ищите этого своего террориста, а мы с Ларисой Чайкиной вам не помощницы... Нам с ней рожать на днях».

– Хочешь, я тебе дам дружеский совет, майор Алеша Нестеров? – спросила я его и, не дожидаясь ответа, сказала: – Не говори лишнего. Болтун, как ты и сам знаешь, – находка для шпиона!

Он смотрел на меня недоуменно.

– Твое счастье, Нестеров, что мне некогда сейчас – работать надо!.. А то бы я у тебя все выпытала до мельчайших подробностей... Просто из чистого любопытства... Правда, меня эта проблема интересует только в теоретическом, абстрактном плане... Поскольку как-то связана с судьбой женщины, за которую я теперь несу невольную ответственность... Хотя, конечно, я не прочь взглянуть на того ублюдка, который это сделал.

Я помахала рукой растерявшемуся Нестерову и отправилась искать Кавээна с Игорьком: пора было включаться в разбор завала.

Глава вторая

Знала бы я, что буквально через пять минут сама окажусь в положении своего знакомого майора Нестерова, над которым только что иронизировала, и буду думать о нем уже как о коллеге.

Принять участие в разборе завала мне так и не удалось. Народа там было вполне достаточно, и народа очень грамотного и опытного в такого рода делах... Но это меня не остановило бы, я все равно полезла бы в первые ряды и в самые узкие щели, такой уж характер... Чужую беду я воспринимаю как свою собственную. Наверное, поэтому и в спасатели попала.

Поработать в завале мне не дало неожиданное появление Григория Абрамовича, которого, честно говоря, мы не ждали раньше чем дня через три. Но он тем не менее стоял во дворе роддома и что-то резко выговаривал Кавээну, который разводил руками и явно оправдывался. Я поспешила узнать, что случилось.

Еще не дойдя нескольких шагов до нашего командира, я почувствовала, что зол он чрезвычайно. И на Кавээна накинулся, наверное, просто потому, что тот под руку попался. Что-то мне подсказывало, что наверняка сейчас и мне достанется.

– Ну что, экстремальный психолог второго разряда, дня не проходит, чтобы вы в какие-то контакты с ФСБ не вступили?

Уже по первому, столь ехидному вопросу Григория Абрамовича мне стало абсолютно ясно: так и есть, пришла моя очередь.

– Григорий Абрамович... – начала я недоумевающим тоном, но продолжить мне он не дал.

Если уж Грэг тебя перебивает, да еще не называет ни по фамилии, ни по имени, да еще на «вы» к тебе обращается, значит, он не просто зол, а зол просто-таки чрезвычайно. Интересное дело. Что бы это могло его так здорово разозлить?..

– Обращайтесь по форме, – раздраженно оборвал меня Григорий Абрамович, – мы с вами не на посиделках в сельском клубе, в конце концов, или, как это сейчас называется, не на дискотеке!

Он даже покраснел весь и без конца протирал платочком вспотевшую лысину...

– Товарищ подполковник...

Но он снова меня перебил:

– Товарищи в советской России остались, а такой страны больше не существует.

– Господин подполковник... – начала я и невольно улыбнулась.

Какой из него господин! Ну, не вяжется это слово с Григорием Абрамовичем, и все тут! Он больше на школьного учителя истории похож, причем истории именно той страны, которой, как он только что сказал, уже не существует, – советской истории.

– Что вы смеетесь надо мной, Николаева? – возмутился Григорий Абрамович. – Это возмутительное неуставное отношение к своему командиру! Распоясались тут, стоило мне только уехать ненадолго. У нас в группе безобразное отношение к дисциплине!

«Зря вы так, Григорий Абрамович, – подумала я. – Я ведь и обидеться могу, в конце концов! Мало ли за что вы там от своего начальства нагоняй получили, а мы-то с ребятами тут при чем?»

– Советской России и правда больше не существует, – сказала я. – Но люди, которые в ней выросли, остались. И она из них иногда лезет наружу, как язвы у больного проказой.

Я смотрела Грэгу прямо в глаза, и он смутился... Он, наверное, все же сумел увидеть себя со стороны, чего я и добивалась своей фразой. Я знаю, что Грэг – хороший командир и просто так, ради собственного удовольствия, никогда не станет выплескивать на друзей собственное раздражение. Я искренне считаю и его, и Кавээна с Игорьком своими друзьями... В конце

концов, мы спасатели, а не армия и не ФСБ, и это очень много значит. Я не умею служить, то есть формально подчиняться уставу и выполнять свои обязанности, я умею, хочу и могу работать, помогать, спасать. Поэтому я сейчас здесь, поэтому я – спасатель. И я не понимаю, в чем меня сейчас упрекают.

Григорий Абрамович, как мне показалось, прекрасно понял, о чем я подумала, но вслух не произнесла. Он аккуратно свернул свой платочек, сунул его в задний карман комбинезона и, жестом позвав нас за собой, направился к нашей машине.

«А почему, собственно, он в комбинезоне? – задала я себе вопрос и тут же на него ответила: – Значит, он успел заехать в управление. Нас там, естественно, не застал. Переоделся... И что же могло там-то случиться, что его так разозлило?»

– Григорий Абрамович, а разве что-нибудь случилось? – спросила я, сделав наивное выражение лица. – Мы же выполняем свои прямые обязанности.

– Нет, Оленька, не выполняете, – ответил Грэг, уже взяв себя в руки и разговаривая своим обычным спокойным и убедительным тоном. – Кроме ЧП, есть еще и повседневная текущая работа, которую тоже кому-то нужно делать... Это для вас она повседневная и, может быть, даже скучная, может быть, даже смешная и несерьезная по сравнению со взрывами, катастрофами, врезавшимися в мосты теплоходами и слетевшими в реку поездами. А для человека, который попал в безвыходную, по его мнению, ситуацию, – это трагедия. И помочь ему, показать, что выход есть и достаточно сделать шаг в нужную сторону, чтобы спастись.

Он замолчал, и я подумала:

«Это все правильно, но это мы и сами прекрасно знаем. Зачем об этом сейчас говорить?... Это же прописные истины».

Григорий Абрамович выдержал многозначительную паузу и продолжил:

– Я и в самом деле был не прав, когда позволил себе упрекать вас в том, чего вы скорее всего не совершали... Вы тут, конечно, ни при чем, наши, я имею в виду МЧС, отношения с ФСБ сложились без вашего участия. Отношения эти мне, например, очень не нравятся, но мнение мое имеет, к сожалению, слишком малый вес для людей, принимающих кардинальные решения.

Видя недоумение, отчетливо отразившееся на наших лицах, Григорий Абрамович поспешил продолжить, уводя нас от странной темы его взаимоотношений с высшим руководством нашего министерства:

– Объясню сразу и раскрою карты, потому что все козыри не мои, я предпочел бы в эту игру вообще не играть... Наше руководство всерьез собирается создавать из наших спасательских подразделений структуру, которая могла бы в случае необходимости заменить собой другие силовые структуры – будь то армия, или ФСБ, или МВД, или Служба безопасности президента... Зачем это делается, я не могу вам объяснить, сам я этого не понимаю и не принимаю... Но приказ этот я выполнять должен, хотя он мне и не по нутру... Хотя и не настолько, чтобы из-за этого подавать в отставку. На «зимние квартиры» мы всегда успеем, как сказал как-то Михаил Юрьевич...

– Кто? – переспросил Кавээн.

– Да служил в южном округе один такой младший офицер. Давно, еще до того, как МЧС организовали... Умный был человек...

Григорий Абрамович вздохнул и вновь полез в карман за своим платочком.

– Новые звания получать, конечно, приятно, но активность в булгаковских событиях сослужила нам и не очень, на мой взгляд, хорошую службу... Нам вменяется в обязанность проводить постоянную профилактическую работу, направленную на то, чтобы снизить число чрезвычайных происшествий на нашей территории.

– Это что же – успокаивать ураганный ветер, укрощать смерчи, предотвращать наводнения и засухи, проверять состояние газо- и нефтепроводов, ловить падающие самолеты? – попытался состричь Игорек.

– Если ты, Игорь, покажешь на деле, что все это умеешь, – не принял Грэг его шуточки, – то не сомневайся, что и это со временем станет твоей обязанностью. К моему сожалению, мы уже показали, что кое-что умеем. И теперь нам поручают расследовать причины взрыва второго тарасовского роддома.

Мы все потеряли дар речи.

– А мы-то при чем? – пробормотал Кавээн. – Мы это... людей спасаем.

– Вот чтобы некого было спасти следующий раз, – терпеливо объяснял Грэг, – мы должны найти того, кто этот взрыв устроил.

И он показал рукой на центральную часть здания, к которой подогнули подъемный кран и снимали плиты перекрытия между третьим и вторым этажами, которые держались на честном слове и в любую минуту грозили обрушиться и увеличить число жертв, прибавив к ним кого-нибудь из особо рьяных и неосторожных спасателей.

– Так они же ищут террориста... – сказала я, вспомнив разговор с Нестеровым. – Мы, значит, тоже должны его искать, параллельно с ними. Кто первый найдет, так, что ли?.. Соревноваться нам с ними, что ли, придется? А зачем нам это нужно?

– С кем с ними, Оля? – быстро спросил Грэг. – Кто собирал там спасателей и какую информацию хотел от них получить?

Я пожала плечами.

– Следователь областной прокуратуры майор Нестеров, – ответила я. – Он очень осторожно, деликатно пытался выяснить – не заметил ли кто-нибудь посторонних людей на территории роддома.

Пока я говорила, Грэг кивал головой, а потом неожиданно уточнил:

– Все так, кроме одного. Майор Нестеров уже полгода как работает в службе безопасности, а не в областной прокуратуре, руководит опергруппой, занимающейся особо важными преступлениями.

Лицо мое вытянулось.

– А зачем же тогда он столько болтал в разговоре со мной, – спросила я, – выкладывал информацию, которая у него есть?

– Думаю, он хотел тебя проверить, убедиться – какой информацией обладаешь ты... Или вообще не обладаешь... – предположил Грэг. – Ты ему что-нибудь сообщила из того, что он хотел узнать?

Я покачала головой:

– Нет. И никто из спасателей пока не сообщил, но он дал всем свои координаты... Кто-то из спасателей к нему обязательно придет и расскажет, что вспомнил... И мы не сможем этому воспрепятствовать. Не можем же мы объяснять каждому из спасателей, что Нестеров не тот, за кого себя выдает, и не нужно давать ему никакую информацию. Хотя, конечно, из наших никто ФСБ не любит.

– Мы просто не сможем этого сделать, – согласился Грэг. – У нас нет оснований просить людей не общаться с ним. А Нестеров между тем фактически добился одной из своих истинных целей – перехватил у нас столь обширный источник информации, как спасатели. Ход наглый, но очень в духе ФСБ. Нужно приготовиться к тому, что это негласное соревнование они и дальше будут продолжать в том же направлении. Их истинная цель, как я подозреваю, – не столько найти этого полумифического-полуреального террориста, сколько дискредитировать наши способности к оперативно-розыскной работе. А шире – показать неспособность МЧС выступить в качестве альтернативы ФСБ. Вот так-то, дорогие мои. Не больше и не меньше.

– Едрена-матрена! – суммировал как умел, по-своему, наши общие впечатления Кавээн. – Опять нам с этими... с этими, блин...

– Саша, спокойнее! – вставил Грэг.

Кавээн быстро взглянул на него и решил обойтись без эпитета.

– ...опять кулаками махать! То-то у меня руки чешутся.

– И чтобы без всяких там кулаков! – с ясно ощутимым металлом в голосе приказал Григорий Абрамович. – Даже если будут провоцировать. Мало вам того, что Игоря в Булгакове ранили.

Он нахмурился и добавил:

– Полковник Краевский, кстати, вышел сухим из воды. Его причастность к запутыванию расследования причин булгаковской катастрофы не доказана. Можно сказать – сухим из воды вышел или специально его кто-то вывел, хотя временно он от дел отстранен. Но чувствую я, нам с ним еще придется встретиться.

– Я вообще не понимаю теперь, – подал голос Игорек, – мы спасатели или детективы?

– Мы, Игорек, спасатели, – ответил ему Григорий Абрамович. – Но поручено нам найти этого гада, который людей взрывает. И обезвредить его, чтобы ни одного взрыва больше не было. Это даже не поручение, это приказ нашего командования.

Грэг достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, в котором нетрудно было угадать факс, развернул его, но Игорю в руки не дал, а прочитал сам, чего обычно не делал. Он никогда не скрывал от нас содержания приказов, которые получала группа, чтобы не подрывать доверие, установившееся в нашем маленьком коллективе. Грэг даже гордился этим доверием.

– Командиру ФГС-1 подполковнику Воротникову, – прочитал Грэг, близоруко щурясь на лист бумаги. – Приказываю обеспечить проведение группой оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности и поимку преступника, организовавшего взрывы поликлиники и роддома в Тарасове, мединститута в Волгограде, убийство профессора математики Тарасовского госуниверситета Мартыненко и покушение на убийство аспиранта политехнического института Гусева. Материалы по данному делу получить у майора ФСБ Нестерова. О ходе расследования докладывать с периодичностью в три дня мне.

Я обратила внимание, что Грэг будто проглотил фамилию, готовую сорваться с его языка. Не знаю, что меня толкнуло, но я заглянула через его плечо в бумагу, которую он читал, и, прежде чем он сложил лист бумаги, успела заметить фамилию человека, который подписал приказ. К моему большому удивлению, это оказался не генерал Кольцов и не начальник штаба Медведев, а... Чугунков. Тот самый Чугунков, который чуть не арестовал меня в Булгакове и который потом сам предлагал мне перейти в спецразведку МЧС, где, судя по всему, занимал не последнюю должность.

Но больше всего меня поразило его звание. В Булгакове на его форме не было знаков различия; когда он разговаривал со мной по телефону, он тоже мне своего звания не сообщил. Теперь же я своими глазами увидела подпись под приказом – «генерал Чугунков»! Вот это да! Чугунок, который гонял нас по полосе препятствий на сборах в спецлагере, – генерал! С ума сойти можно!

Вопрос уже готов был сорваться у меня с языка, но Грэг заметил мой взгляд на бумагу в его руках и так посмотрел на меня, что всякое желание задавать вопросы у меня пропало... А через секунду я уже забыла об этой странности, так как Грэг, оказывается, еще не закончил перечисление наших неприятностей.

– Теперь о дисциплине, – сказал он, и по его тону было понятно, что ничего обнадеживающего о ее состоянии в нашей группе мы не услышим. – Александр Васильевич уже слышал мое мнение об офицерах МЧС, которые оставляют вверенный им пост и устремляются как рядовые спасатели на место происшествия, забывая, что их главная обязанность – руководить,

а не стремиться в первые ряды, где народу и без них хватает... Вместо того чтобы, оценив ситуацию, оставить капитана Николаеву на своем месте в управлении продолжать оперативное дежурство, майор Маслюков снял всю группу и направился во главе ее на объект. Да еще сам фактически направил ее на беседу с представителем ФСБ, который очень внимательно следит за нами и собирает информацию о наших действиях. Ну да ладно, с этим мы уже разобрались. Главная его ошибка привела к тому, что группа не смогла, по сути дела, выполнить своих обязанностей.

Наши лица в очередной раз вытянулись...

– Но... – замычал Кавээн, – мы же работали тут...

– Я и не говорил, что вы тут отдыхали, – ответил Григорий Абрамович. – Но через десять минут после вашего выезда из управления поступил звонок из городского управления коммунального хозяйства. Глупейшая ситуация – женщина застряла в лифте.

– А мы-то тут при чем? – пробормотал Кавээн. – Мы лифты не ремонтируем.

– Оправдываться будешь перед прокурором, – оборвал его Грэг, – а я в другом ведомстве работаю. Так вот. Коммунальщики сообщили нашему диспетчеру, который переключил наш телефон на себя после вашего отъезда, что у застрявшей в лифте женщины начался какой-то психический припадок. По их предположению, она страдает сильно развитой формой клаустрофобии.

Я прикусила губу. Прав Грэг, это как раз тот случай, когда необходимо вмешательство экстремального психолога. Хорошо представляя природу заболевания, я могла бы облегчить ситуацию, в которой оказалась несчастная женщина, приходящая в ужас от замкнутого пространства. Разумным решением было бы оставить меня в управлении продолжать дежурство, а самому с Игорьком отправиться на ЧП.

– В результате диспетчер, не обнаружив штатного психолога на месте и не сумев установить с ним связь по мобильному телефону, вынужден был коммунальщикам в помощи отказать.

Я вздохнула. Конечно, это прокол для всей тарасовской службы МЧС. Такие случаи создают репутацию. И не стоит себя утешать, что все произошло случайно, что мы были заняты делом. Думать, как распорядиться людьми, которыми ты руководишь, – это тоже дело.

– Но и это не самое неприятное, – продолжал нагружать нас Грэг. – Самое неприятное, что коммунальщики, получив наш отказ, обратились со своей просьбой в ФСБ, и оттуда им в считанные минуты направили психолога, который взял ситуацию под контроль и помог женщине прийти в себя и продержаться, пока не исправили лифт. Я думаю, комментировать здесь нечего. Еще пара таких случаев – и мы можем смело подавать в отставку, а наши дела перейдут в ведение ФСБ. Оно, кстати, очень радо будет такому повороту. Они об этом только и мечтают.

Григорий Абрамович посмотрел на каждого из нас по очереди. Мы стояли, опустив головы, как провинившиеся школьники перед учителем.

– Поэтому приказываю, – сказал он, – немедленно покинуть объект, вернуться в управление и ждать моих указаний. Инструктаж по делу о взрывах назначаю через полчаса. Проводить его буду я. Садитесь в «рафик» и отправляйтесь обратно.

Григорий Абрамович посмотрел на мрачного Кавээна, пальцы которого выбивали частую дробь на капоте нашей машины, и добавил:

– За руль сядет Игорь. Спокойно, Саша, спокойно, – добавил Грэг, заметив, как напряглись мускулы Кавээна. – Я хочу, чтобы сегодня вы без происшествий до управления добрались.

...До управления мы, как и хотел Григорий Абрамович, добрались без происшествий, правда, в подавленном настроении. Слишком много на нас обрушилось новостей, которые, мягко говоря, энтузиазма не вызывали. Одно дело, когда в Булгакове мы как-то само собой оказались втянутыми в поиск причин трагедии, другое – сейчас. Расследовать происшествие, не имея достаточного опыта, не имея практически никакой информации, да еще в условиях

жесткой конкуренции со службой, отношения с которой у нас, мягко выражаясь, не складывались. И делать это предстояло по приказу, обязательному для исполнения, иначе мы просто расписались бы в своем непрофессионализме, хотя, объективно говоря, заниматься следствием никогда не входило в наши профессиональные обязанности. Ведь мы спасатели, а не сыщики. О чем они только думают там, в министерстве?

Я уже сильно пожалела, что в Булгакове спровоцировала всю группу на поиск организаторов катастрофы. Недаром говорят, что инициатива наказуема. Теперь, пожалуйста, расхлебывай!

В управлении я сварила кофе, и мы молча выпили по чашке крепкого, ароматного, густого, прочищающего мозги и поднимающего тонус напитка. Кавээн опять уцепился за телефон, который он столь опрометчиво оставил, но тот вновь молчал. Дядя Саша сидел перед ним в задумчивости и разглядывал безмолвствующий аппарат. Игорек улегся на стульях, заложил руки за голову и уставился в потолок. Наверняка обдумывал ту информацию по взрыву в роддоме, которая у нас уже была, и строил всевозможные версии. Я к его занятию относилась скептически: какие версии можно строить, когда информации нет почти никакой? Остается одно – фантазировать на вольную тему.

От кофе я немного повеселела, а размышления над упражнениями Игоря в дедукции напомнили мне о Ларисе Чайкиной. Она-то кое-что могла бы рассказать, поскольку, как я поняла из ее реакции, присутствовала при взрыве. Только вот спрашивать ее об этом без ущерба ее психическому здоровью нет пока никакой возможности.

Я позвонила в больницу, куда отвезли женщин из роддома, и спросила, не родила ли еще Чайкина. Мне долго не хотели отвечать, но после того, как убедились, что я не родственница, а психолог-спасатель, попросили приехать. Встревоженная, я помчалась в больницу.

Меня встретил дежурный врач. Он был сильно обеспокоен. Лариса не подпускала к себе никого из врачей и медсестер, твердила, что она вовсе не беременна, требовала, чтобы ее отпустили домой. Осмотреть ее так и не удалось. По ее карточке выходило, что срок родов у нее уже прошел. Она вела себя очень беспокойно и все просила пригласить ту девушку, с которой они вместе спускались из роддома по пожарной лестнице. Я попросила немедленно отвести меня к Ларисе Чайкиной.

Меня привели в палату, где, кроме Чайкиной, находились еще три женщины, и поразила психологической неграмотности наших медиков. Я не в первый раз сталкиваюсь с этим, но сейчас это выходило за все рамки. Лариса ходила по палате и говорила практически непрерывно, а три женщины, тоже еще не родившие, жались по своим кроватям и смотрели на нее испуганно и озлобленно. А Лариса со своим огромным животом ходила от окна к двери и обратно и очень искренне возмущалась безответственности тех женщин, которые решились рожать детей.

– ...Я ненавижу детей! – заявляла она, поворачиваясь от окна к двери и обводя своих соседок невидящим взглядом. – Нужно быть сумасшедшей, чтобы сейчас рожать! Ребенок убивает женщину. Я несколько раз видела маленьких детей. Это хитрые и жестокие существа. Они думают только о себе и о том, как замучить свою мать. Они ждут момента, когда она расслабится, и начинают кричать тонким противным голосом, специально не давая матери отдохнуть. Я знаю, что ни одна женщина не хочет их рожать. Я, например, не хочу. Я же не сумасшедшая.

– Заткнись ты, дура! – не выдержала одна из беременных женщин. – Ты на пузо свое взгляни. Не хочет она! Раньше нужно было думать, когда с мужиком трахалась. Тогда небось хотела! А теперь тебя не спросят, хочешь ты или не хочешь.

– Нет-нет, вы не поняли, я вовсе не беременна. Я не могу быть беременной... Это было бы странно... Я поеду сейчас домой. За мной приедет моя подруга, мы с ней совсем случайно оказались в роддоме, просто мимо шли. Она заберет меня отсюда.

Меня она между тем не замечала, хотя я уже минуты три стояла у двери и смотрела на нее. Врач, который вошел вместе со мной, хотел подойти к Ларисе, но я его остановила, удержав за рукав.

– Сергей Александрович! – возмущенно обратилась к врачу еще одна соседка Чайкиной. – Уберите от нас эту идиотку. Она все уши прожужжала – не хочет она рожать. Ходит, пузом трясет, а сама: «Ненавижу детей! Ненавижу детей!» Твердит, как сумасшедший попугай какой-то.

– Ты, милочка, сама успокойся. Что это ты так волнуешься? Тебе рожать сегодня, нервничать не нужно. Животик-то у тебя у самой вон какой – постарался муж, не иначе как тройню тебе зарядил. Давай-ка послушаем, что у нас там.

– Сергей Александрович, – хихикнула женщина. – Это у меня, а не у нас. У самого-то у вас-то там пусто скорее всего.

Меня передернуло. Врач, по-моему, был абсолютно глухой и слепой. Этим женщинам действительно нельзя было находиться вместе с Чайкиной в одной палате. Ее нужно было срочно изолировать. Эта его «милочка» была совершенно права – Ларису нужно было забрать из этой палаты. И забрать срочно, пока не случилось какого-нибудь скандала, который может для Ларисы закончиться трагедией.

Она наконец узнала меня и поспешила ко мне, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу.

– Ну, наконец-то! – воскликнула она. – Я уже устала тебя ждать! Представляешь, они мне не верят. Знаешь, Наташка, я все никак не пойму, как я здесь оказалась. Я помню, как мы с тобой убежали с химии, как мороженое ели. А дальше?

«Господи, она школьница, что ли?» – подумала я, а женщины в палате засмеялись. Наверное, потому, что ко мне она обращалась как к подружке, а я на школьницу нисколько не была похожа. Я быстро взяла из рук врача Ларисину карточку и нашла в графе «год рождения» отметку – 1975. Так она моя ровесница! Какая же, к черту, химия!

– Потом какой-то кошмар в роддоме, пожарная лестница. Не помнишь, зачем мы с тобой туда пошли? Неужели кто-то из наших девчонок рожать собрался? Значит, они с мальчишками. Ну, это.

Лариса покраснела.

– Ну... давали им.

Женщины уже откровенно хохотали. Ситуация складывалась глупейшая. Я никак не могла понять, что происходит, врач давно уже, судя по всему, махнул на Ларису рукой. Женщины с удовольствием отыгрывались за свой недавний страх перед Ларисой.

– А это кто? – спросила у меня Лариса.

Она показала пальцем на врача, и я поняла, что пора активно вмешиваться. Ларису нельзя было предоставлять самой себе. Она явно вернулась в свое прошлое и меня принимает за одну из своих подружек. По ее самоощущению, она не только не беременна, она даже с мужчиной вроде бы ни разу не была. Ситуация, конечно, слишком уж дикая для женщины, у которой вот-вот должны начаться родовые схватки.

– Вы можете ее перевести в отдельную палату? – спросила я врача.

– Ты, милочка, с ума не сошла? – возмущился он, но быстро сообразил, что со мной не следует разговаривать как с подопечными женщинами, и сбивчиво забормотал извинения.

– Больница переполнена, – бросился он объяснять. – Мы дежурили в день, когда роддом взорвался, всех везли к нам, не заботясь о том, можем мы их принять или нет. Даже младенцев нам привезли!

Он возмущенно всплеснул руками.

– Ну, младенцев мы за пару часов распихали по роддомам. Так теперь скандал с роженицами – они-то здесь остались! Требуют своих детей. Вот где кошмар-то! Детей им подавай! Да кто ж теперь разберется, где чей ребенок! У многих бирки-то полетали, пока с ними возились

на улице в суматохе, спроси у него теперь, чей он ребенок. Кроме того, один ребенок погиб, а мать до сих пор не знает об этом.

Он вздохнул.

– Здесь-то спокойно. Ну, подумаешь, нервничают слегка. Так это дело обычное. Перед родами всегда нервничают, а я всегда успокаиваю. Так уж заведено. Где ж я ей отдельную палату найду? И в психушку не отправишь, у них там родильного отделения нет, конечно.

– Главврач здесь? – спросила я.

Он помотал головой.

– Литвинова полчаса назад губернатор вызвал.

– Кабинет его свободен?

Врач молча хлопал глазами.

– Ключ можете найти?

– У Михайловны ключ есть, у уборщицы.

Он взглянул на часы:

– Минут через десять она как раз у Литвинова убирать начнет.

Выйти из палаты Ларису не нужно было даже уговаривать. Она живо вцепилась в мою руку, и мы втроем – я, Лариса и врач – направились по длинному коридору третьего этажа к лестнице. Но чем ближе мы подходили к ступеням лестницы, тем крепче и беспокойней сжимала Лариса мою руку. Я наконец сообразила, что не выяснила один очень существенный для Ларисы момент.

– На каком этаже у вас кабинет главврача? – спросила я.

– На первом. – Врач недоумевающе посмотрел на меня и пожал плечами.

«Вот черт! – ругнулась я про себя. – По лестнице она не даст себя свести».

Я немного растерялась.

«Сама же, между прочим, виновата! – ругала я себя. – Могла бы предусмотреть, что Ларису могут затащить на третий этаж, а спускаться она опять не сможет. Нужно было предупредить тех, кто ее сюда вез, или самой проводить».

Впрочем, она боится только лестницы, вернее – только спуска по лестнице.

– Лифт есть? – спросила я у врача.

– Конечно, есть! – пожал тот плечами, недоумевая, почему я спрашиваю о такой ерунде с таким серьезным волнением.

Я облегченно вздохнула. Иногда забываешь самые простейшие решения и начинаешь сама придумывать себе трудности. Это чаще всего говорит о настроении несколько депрессивной окраски. Мне нужно на себя обратить внимание. Я слишком поддаюсь эмоциям и начинаю совершать ошибки. Нет, это нужно прекращать, ведь я же умею контролировать свое эмоциональное состояние.

На лифте мы спустились спокойно. Не было перед глазами Ларисы ступенек, ведущих вниз, а движения лифта она, по-моему, вообще не заметила. Лариса болтала со мной как со школьной подругой, называла меня Наташей и чувствовала себя, судя по ее настроению, превосходно. Только иногда она начинала морщиться и прикладывала ладони к животу, который начинал ходить ходуном.

– Подожди чуть-чуть, у меня с желудком что-то нехорошо. Сейчас пройдет.

Дверь в кабинет главврача оказалась не заперта, и едва мы туда вошли с Ларисой, дежурный врач потерялся где-то по дороге, а мы увидели сидящего за столом молодого мужчину. На уборщицу Михайловну он был явно не похож, и я поняла, что это и есть тот самый Литвинов, который как-то отвертелся от встречи с губернатором. Что ж, тем лучше. Не люблю действовать по-партизански, хотя иной раз и приходится, когда нет другого выхода.

Я готова была пуститься в объяснения, но Литвинов не дал мне рта раскрыть. Он вежливым жестом пригласил нас с Ларисой сесть в глубокие мягкие кресла перед своим столом и заявил:

– Я вас уже жду.

Я посмотрела на него недоумевающе.

– Меня предупредил по телефону подполковник Воротников, что вы... – он кивнул головой в мою сторону, – ...отправились в нашу больницу, и просил оказать вам содействие, если ситуация того потребует. Мне кажется, она уже требует. Осталось только выяснить, чего именно она требует.

– Наташк, ты его знаешь, что ли? – спросила Лариса у меня вполголоса. – Симпатичный. Теперь Литвинов запнулся в некотором недоумении.

– Простите, – спросил он, – вы капитан МЧС Ольга Николаева?

Лариса внимательно прислушивалась к его словам и, едва он замолчал, сказала мне:

– Наташа, у него, кажется, с головой не все в порядке.

Я улыбнулась ей успокаивающе и повернулась опять к главврачу.

– Ситуация действительно требует вашей помощи. Мне трудно разговаривать сейчас, не создавая стрессовой ситуации для одного из присутствующих. – Я показала глазами на Ларису. Не могу же я при ней заявить, что у нее психическая травма и что она ощущает себя девчонкой-школьницей. – ...В некотором смысле я, как это ни странно, сейчас Наташа, школьная подруга Ларисы Чайкиной. Хотя то, что сообщил вам подполковник Воротников, полностью соответствует действительности.

В глазах у него появилось какое-то нехорошее подозрение, и я поспешила добавить, надеясь, что ему в отличие от Ларисы знакома психиатрическая лексика:

– Я столкнулась со сложным случаем посттравматического невроза. Потеря идентификации, мемориальные пространственно-временные лакуны, регрессия на предгенитальную стадию психологического развития. Все это осложнено тем, что вы видите собственными глазами.

Я следила за его глазами. Кажется, он меня понял, поскольку взгляд его остановился на Ларисинем животе. Лариса же смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Она явно не поняла ни слова из того, что я сказала. Вот и отлично, я того и хотела.

– Сложность ситуации в том, что нельзя создавать излишней напряженности ввиду того, что скоро должно произойти то, что обязательно должно произойти.

Он кивнул головой – понял, что я говорю о предстоящих вот-вот родах.

– В роддоме мы с ней... – Я выразительно на него посмотрела, чтобы он понял, что я рассказываю, как Лариса видит сложившуюся ситуацию. – ...Оказались случайно, после того как убежали с урока химии. Рожать мы с ней никого не собираемся и вообще знаем обо всем этом понаслышке.

Он даже сморщился. Я поняла, что до него дошла сложность психологической ситуации, в которой оказалась Лариса.

– Сейчас мы идем домой.

– Не смею задерживать... – пробормотал он, уже явно перестав понимать, что говорит.

Я улыбнулась...

– Проблема в том, что мы потеряли ключи от своих квартир. Это, конечно, не беда, мы остановимся у кого-нибудь из наших друзей.

Я давно уже сообразила, что далеко от больницы нам уходить нельзя, значит, ко мне домой я Ларису отвезти не смогу, так как живу на другом конце Тарасова. К ней домой я ее отпустить тоже не могу, мне трудно представить поведение ее родственников и их реакцию на ее теперешнее состояние. Остается одно – вспомнить, кто из наших живет недалеко от больницы. Ну, конечно же, Игорек. Отсюда до его дома можно дойти минут за пять.

– Разрешите воспользоваться вашим телефоном.

Литвинов рассеянно кивнул. Я набрала телефон управления и услышала голос Григория Абрамовича.

– Если вам нужна помощь, прежде всего сообщите свой адрес, – произнес он ритуальную фразу.

– Это я, узнали? – Я старалась не называть ни себя, ни его, чтобы не выводить Ларису из того относительного психологического равновесия, в котором она сейчас находилась.

– Николаева? Оля? – сообразил Грэг. – Что там у тебя? Наша помощь нужна?

– Да. Но не столько помощь, сколько ключи от квартиры Игорька...

– Что? – услышала я в трубке приглушенный, но явно возмущенный голос Игорька. – Это еще зачем?

– Подожди, Оленька, – сказал Григорий Абрамович. – Сейчас мы с ним договоримся.

Я перестала вообще что-нибудь слышать. Деликатный Григорий Абрамович явно зажал трубку ладонью. Ответил он мне секунд через двадцать. Спокойным и как всегда уверенным тоном.

– Жди там, минут через пятнадцать он сам привезет.

И повесил трубку. Я облегченно вздохнула. Главное удалось. Теперь нужно создать для Ларисы ту обстановку, которая ей кажется наиболее спокойной. Квартира Игорька для этого вполне подойдет. Вот только врача для постоянного дежурства с Ларисой нужно выбить из этого Литвинова.

К моему удивлению, сделать это оказалось гораздо проще, чем я предполагала. Литвинов сказал: «Конечно, конечно...», попросил оставить адрес и клятвенно пообещал через час прислать квалифицированного врача. Он еще заверил меня, что у него сейчас много свободных врачей. Я удивилась, не поверила ему, но не придала этой фразе особого значения и промолчала.

Минут пять мы с Ларисой ждали на улице у приемного отделения, Игорек приехал точно, как и обещал Григорий Абрамович... Он не сказал мне ни слова, лишь улыбнулся грустно и обреченно. Я не стала расспрашивать, чего это он так улыбается... Надо будет – сам скажет... У меня сейчас так голова была занята Ларисой Чайкиной и ее проблемой, что я даже про террориста, которого нам поручили найти, немного подзабыла. Очень, конечно, соблазнительно было бы расспросить Ларису, что же она все-таки видела. Но разве я смогу сейчас с ней об этом заговорить? Видно, придется обходиться без ее помощи.

Игорек вез нас до своей квартиры не торопясь, я подозревала, что пешком мы дошли бы быстрее. Но он очень боялся, что машину тряхнет и Лариса родит прямо в нашем «рафике». Поэтому плелся еле-еле, делая не больше двадцати километров в час.

Жил он на четвертом этаже, но лифт работал исправно, и я не боялась теперь, что у нас возникнут сложности, если придется Ларису срочно транспортировать в больницу. Я представила Игорька Ларисе как знакомого мальчишку из соседней школы, у которого родители уехали в командировку, квартира свободная, и там можно спокойно отдохнуть, пока я пойду искать ключи от ее дома. Лариса его приняла и через несколько секунд обращалась к нему без всякого смущения, называя его при этом почему-то Витей. Ну да ладно, Витя так Витя. Но я чуть не рассмеялась, когда увидела его реакцию на эту искаженную Ларисину реальность. Игорек словно подавился чем-то и никак не мог вдохнуть свободно. Ему потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к своей новой роли и отвечать Ларисе свободно и непринужденно.

Я уложила Ларису на Игореву постель и пошла к хозяину дома на кухню, дожидаться с ним обещанного Литвиновым врача.

– Объясни мне, Ольга, – спросил он меня, наливая мне крепкого чая, поскольку кофе не любил и дома его не держал, – почему, как только мне начинает казаться, что у меня с кем-то получается что-то серьезное, так каким-то странным образом вмешиваешься ты, и все рассыпается в какую-то смешную суету?

– О чем ты, Игорь? – Я, честно говоря, плохо его слушала, он любит распространяться о своих чувствах.

Раньше он говорил о том, как ему без меня плохо, теперь все чаще о своих отношениях с другими женщинами рассказывает. Как близкому другу... Дурачок! Не замечает, что мне это просто скучно. Ну и что, что я психолог! Не могу же я день и ночь только и делать, что решать чьи-то психологические проблемы... Для Игорька я, например, делать это просто отказываюсь. Не хочу помогать ему ни удержать какую-то женщину рядом с собой, ни оттолкнуть ее. Пусть он все это делает сам. Мне почему-то очень хочется видеть в нем мужчину, а не пацана, ищущего помощи у женщины, пусть даже и психолога.

Но сейчас он, как выяснилось, вовсе и не собирался посвящать меня в очередную свою любовную историю. Он хотел... на судьбу мне, что ли, пожаловаться. Или на меня саму, я так и не разобралась толком. Оказывается, он уже недели две ходил вокруг одной красавицы, с которой познакомился, когда лежал в больнице после булгаковского ранения. И как раз сегодня собирался проявить активность и привести ее к себе на ночь. А тут я со своей просьбой, которая в результате обернулась приказом нашего командира. Григорий Абрамович умеет так попросить.

Я, конечно, жалеть его не стала, иронически над ним хмыкнула и растрепала ему волосы. Какой он мужчина, хоть и старше меня!

– Все, Игорек, хватит жаловаться, – сказала я ему серьезно и без всякой насмешки. – Я тебе не мама, в конце концов... Давай-ка рассказывай, что там вам Грэг сообщил об этом террористе, что роддом взорвал. А может, это и не он вовсе... Может, это бомба взорвалась какая-нибудь, что со времен войны еще лежала. В Тарасове такие случаи были. Здесь в войну много бомбили.

– У тебя-то с головой все в порядке? – спросил Игорек. – Роддом построили всего десять лет назад.

– Почему десять? – удивилась я. – Я тоже там родилась – во втором, у вокзала.

– Старый роддом снесли десять лет назад, а перед тем как сносить, сожгли вместе со всем оборудованием... Там обнаружили стафилококк, вирусный гепатит и еще кучу какой-то дряни, которая никакой дезинфекцией не выводится. И за год новый построили. Поэтому забудь про бомбы, которые с войны в корпусе здания лежат.

– Значит, террорист? – спросила я.

Я несколько не была смущена тем, что Игорек «посадил меня в лужу». Дело в том, что я сама в нее села специально для Игорька, чтобы он почувствовал себя уверенно и перестал расстраиваться из-за какой-то глупой любовной истории. Вряд ли у него это серьезно. А если и впрямь что-то важное у него с этой медсестрой намечается, так это судьба, и тогда уж ничто не помешает. Никакая Оля Николаева со своими неожиданными просьбами.

– Я в этом уже не сомневаюсь, – убежденно ответил Игорек. – Грэг нам столько информации про все это вывалил...

– А как же эти сволочи, что хотели детей похитить? – спросила я. – Может быть, Кузнец, который их послал, специально взрыв устроил, чтобы под шумок младенцев выкрасть? За Кузнецовым такие дела числятся, он вполне мог на это пойти.

– Ну нет, Оленька! – возразил Игорь. – Кузнецов поступил бы по-другому. У него свой стиль. Он взрывать не стал бы. Слишком высока вероятность того, что младенцев увезут прежде, чем он успеет вклиниться в это дело. Кузнец пришел бы с пятью автоматчиками, перестрелял бы врачей и забрал все, что ему нужно. Я уверен: врут эти гады, что на Кузнеца работают. Скорее всего это целиком их идея – украсть младенцев, воспользовавшись суматохой во время взрыва. Знают же, сволочи, что много неразберихи в этот момент на месте происшествия. Не узнай Кавээн Степаненко, им бы это удалось.

– Зачем им столько детей? – недоумевала я.

– А затем, чтобы продать их потом. Хоть тому же Кузнецу, по дешевке, а уж он найдет, как выгодно перепродать такой товар. Сейчас на Западе дети из России хорошо идут.

Меня передернуло от такого выражения, хотя по смыслу я ничего возразить не могла. Дети и в самом деле стали сейчас предметом купли-продажи, объектом подпольного бизнеса.

– Ладно, – сказала я. – Раз взрыв – это не их рук дело, давай теперь вываливай, что там Грэг вам рассказал? А то я тут делом занимаюсь, а они там без меня, значит...

– Во-первых, что ему в ФСБ сообщили... – оживился Игорь. – Все началось со странного случая в Тарасовском политехническом. Пять месяцев назад на столе комнаты номер двести пять в одном из его корпусов кто-то оставил коробку из-под блока сигарет «Петр I». Она пролежала там, как удалось выяснить позднее, три лекции, то есть часов пять. Наконец аспирант одной из кафедр с дурацким названием – не то ДДТ, не то ТТД – Владимир Гусев решил проверить, не осталась ли случайно в этой коробке пачка сигарет. Аспиранты, знаешь ли, народ небогатый, и такой находке он был бы рад. В коробке действительно оказалась пачка сигарет. Но когда обрадованный Гусев попытался достать эту пачку, раздался взрыв. Результат – выбитый глаз и изуродованное осколками лицо. ФСБ тут же обнаружила, что у них в архиве уже год лежит нераскрытое дело о взрыве в студенческом клубе Тарасовского педагогического института. Тогда не пострадал никто. На адрес клуба пришла посылка. Директор клуба, некто Сухарев, придя в клуб утром пьяным, получил ее под расписку о доставке от почтальона, решил на ощупь, что это какая-то книга, и швырнул ее от дверей актового зала на сцену, где стоял его рабочий стол. Едва посылочка шмякнулась на сцену, произошел взрыв. Последствий у взрыва было два – Сухарев протрезвел, а ректор пединститута отдал приказ о внеплановом ремонте клуба, который по плану делается там раз лет в пятьдесят. Наши доблестные коллеги из ФСБ обнаружили, что в обоих очень несложных взрывных устройствах использовались примитивные детали.

Игорек сделал паузу, чтобы закурить сигарету.

– Следующим был мединститут в Волгограде. Информацию об этом взрыве Грэг получил по факсу прямо оттуда, используя наши каналы, а не от ФСБ. Там бомба была прислана тоже по почте. Существенным проколом неизвестного террориста оказалось то, что он не указал не только имени отправителя, что вызвало некоторое подозрение, но и конкретного получателя посылки, в результате чего ее никто не вскрывал три дня. Она была доставлена в пятницу на кафедру генетики, интереса особого не вызвала и пролежала все выходные нераспечатанной. В понедельник заведующий кафедрой, профессор Коновалов, поручил лаборанту Кучкову разобрать почту, тот начал вскрывать посылку, и раздался взрыв. Ему оторвало руку, но он остался жив. После этого террорист впервые избрал объектом своей изуверской деятельности медицинское учреждение... Главврачу поликлиники Заводского района Тарасова вместе с посылкой пришло письмо, в котором сообщалось, что некий преуспевающий в делах бизнесмен, родившийся в Тарасове и в детстве лечившийся от различных болезней именно в этой поликлинике, обуреваемый ностальгическими чувствами, направляет в помощь врачам несколько сот ампул новейшего инсулина, произведенного его фирмой на космической орбите, на борту недавно запущенной орбитальной станции. Информация выглядела правдоподобно, станцию действительно совсем недавно запустили, вполне возможно, что уже успели доставить с нее на Землю первую партию веществ, производимых в условиях невесомости... Вероятно, так рассуждал главврач поликлиники. Что такое для врача подержать в руках инсулин, полученный по новейшей технологии, ты, наверное, представить себе не можешь. Каждая такая ампула стоит баснословно дорого...

Игорек вздохнул и затянулся сигаретой.

– В посылке оказалась взрывчатка, много взрывчатки. Главврача Ружевича разорвало на куски. Осталась молодая вдова, на пятнадцать лет его моложе, и двое детей. Маленьких. Кроме него, в кабинете никого не было. Пострадал один находившийся в поликлинике пенсионер: он

умер во время взрыва от сердечного приступа. Впрочем, точно не установлено, случилось это до или после взрыва.

– Пока не вижу в его действиях никакой логики и никаких мотивов. Высшие учебные заведения, причем безадресно. Теперь – поликлиника, и тоже безадресно. Ведь посылка не была адресована именно главврачу?

– Она была адресована именно главврачу, но фамилия его указана не была. Думаю, что он не знал, кто ее откроет. Ему было важно, чтобы бомба взорвалась именно в поликлинике.

– Зачем это ему?

Игорек пожал плечами:

– У меня тоже нет пока ни одной более или менее правдоподобной версии. Кстати, на одном из фрагментов корпуса бомбы сохранилась часть букв. Написаны острым предметом по металлу корпуса. Буквы неровные. По предположениям экспертов ФСБ, это скорее всего буквы С, Б и О. Что они обозначают, неизвестно, скорее всего какая-нибудь аббревиатура. Слушай дальше. Месяц назад он точно таким же образом убил профессора математики нашего госуниверситета Мартыненко.

Игорь возмущенно вздохнул:

– Понимаешь, в его действиях должна быть какая-то логика. Не может даже самый последний псих рассылать бомбы наугад! Да еще так искусно их маскировать под посылки. Если мы эту логику не поймем, нам его не найти.

Игорек явно намекал, что мне нужно подсказать ему, чем руководствуется этот псих, убивая своими бомбами людей. Я же, мол, психолог! Это моя вроде бы прямая обязанность. Ни черта подобного, Игоряша! Моя обязанность – помогать людям, как Ларисе Чайкиной, например, а не психов ловить. Расскажи ему, чем этот придурок руководствуется, какая там у него в мозгу параноидальная идея засела! Да еще вот так вот, с лёта, выслушав от него несколько рассказов об отдельных эпизодах, о которых и сам он знает из третьих рук. Что-то Игорек торопливый слишком стал, раньше он меня в спину не толкал... Под профессионализм мой, что ли, подкапывается? Да нет, вряд ли – зачем это ему? Мы же с ним в этом не конкуренты. Мы с ним в другом конкуренты... Ну конечно! Он меня как соперницу воспринимает в раскрытии преступлений... Его же в Булгакове подстрелили, не дали фактически ему развернуться, блеснуть своими дедуктивными способностями. Вот, считает он, все лавры мне и достались. Теперь не хочет упускать инициативу из своих рук... Хочет быть первым... Да пожалуйста, Игорек, если можешь, будь.

– Игорь, давай договоримся сразу, что ты не будешь ждать от меня преждевременных выводов, – сказала я ему. – Ты же до конца мне факты еще не изложил, из чего же я его мотивы должна извлекать? Придумывать, что ли? Или тебе интересно послушать мои теоретические рассуждения о паранойе?

Игорь смутился:

– Нет, Ольга, я не то имел в виду. Я же не рассказал до конца, ты права. Так вот, с этим Мартыненко. Он тоже соблазнился. Ему прислали бандероль от имени директора Московского института общественных проблем, академика, известного российского правозащитника Ивана Федосеева, с сопроводительным письмом, подписанным лично самим академиком. Наш Мартыненко человек был хоть и талантливый, но провинциальный. Внимание столь известного человека ему было, конечно, лестно. Тем более что Мартыненко больше талантливый педагог, чем собственно ученый.

– Что было в письме? – спросила я.

– Несколько строчек всего. Оно, кстати, сохранилось, у Грэга есть ксерокопия. Написано, что Мартыненко – выдающийся ученый, выдающийся педагог, что от таких, как он, зависит будущее науки и, самое главное, как сказано в письме, – чтобы это будущее не было похоже на то, каким его изображает автор в своей книге.

– А что за книга?

– В письме не указано. От самой посылки остались лишь клочья упаковочной бумаги, на которых, кстати, вновь обнаружена надпись: СБО.

– Федосеевым много книг написано?

Игорь посмотрел на меня удивленно. Я прикусила язык. Да, свою некомпетентность мне лучше не демонстрировать, Игорек хоть и друг, но соревнуется со мной постоянно, любой мой промах он обратит в свою пользу. Я знаю, конечно, что он не сплетник и не будет распространяться за моей спиной, что человек я, мол, необразованный, многого не знаю, например, об академике Федосееве. Тем более что это не соответствует действительности. Нет, Игорь не интриган. Но на заметку это возьмет обязательно! Подумает про себя. И окажется не прав. Это мелочь, и значение она имеет только для самого Игорька. Так проявляются его стремления, желания, связанные со мной. Ему нужно обязательно одержать надо мной верх. По сути своей эти желания, конечно, сексуальные и агрессивные. Правильно я все же сделала, что в свое время, когда он так активно меня обхаживал, не заинтересовалась им как мужчиной. Пришлось бы заниматься его воспитанием. Намучились бы.

Хорошо, про Федосеева спрашивать не буду. Самой узнать нетрудно. Но мысль у меня мелькнула довольно интересная, хотя и не оформленная до конца. Что-то о том, что та самая руководящая террористом идея, о которой меня допрашивал Игорь, связана как-то с содержанием книги. Почему я так решила? Не могу толком ответить. Может быть, содержание письма меня подтолкнуло к этой мысли?

– Что еще по Мартыненко? – спросила я просто для того, чтобы прервать паузу, поскольку была уверена, что ничего интересного больше нет.

И оказалась не права.

– Один только факт. В день получения посылки у профессора Мартыненко был юбилей – тридцать лет преподавательской деятельности. Вечером его должны были поздравлять, банкет и тому подобное. А утром его взорвал какой-то маньяк.

– Игорь, тебе не кажется, что нужно ему придумать какое-то имя? – предложила я. – Пока он безымянный, мне, например, трудно представить его внутреннее состояние, а без этого я не смогу понять его мотивы. Мне нужно как бы влезть в его шкуру, стать им на какое-то мгновение.

– Ты сама-то не свихнешься от такой работы? – опасливо покосился на меня Игорек.

– Нет, конечно, – улыбнулась я. – У меня очень сильная психологическая защита. Все будет отлично. Я справлюсь.

И чмокнула его в щеку. Потому что он все же мой друг. Иначе он не почувствовал бы, что при погружении в чужую психику самая главная опасность – не вернуться обратно.

Игорь перестал дуться и улыбнулся мне в ответ. Вот и отлично. Дел у нас еще по горло, не время выяснять отношения.

– Я рассказал практически все. Григорий Абрамович, оказывается, уже сделал запрос в главный банк информации МЧС и получил ответ. Ему удалось накопать еще несколько эпизодов с похожим почерком.

– Стоп, Игоряша, – прервала его я. – Сначала сформулируй мне его, это самый почерк.

– Запросто! Во-первых, бомбы у него самодельные. Делает явно сам – из примитивных деталей, значит, особым металлообрабатывающим оборудованием не располагает. Человек явно небогатый. Богатый просто купил бы гранату.

«А вот и нет, – подумала я, – совсем не обязательно. В этом есть какой-то особый смысл – сделать ее самому. Самодельная бомба – это не оттого, что нельзя заводскую купить, и даже не для конспирации. Это что-то вроде личного присутствия. Убить своими руками».

– Во-вторых, он почти всегда пользуется услугами почты. Если рассуждать с его точки зрения, это очень удобно. Достигается чужими руками точность попадания по выбранной цели.

Тот, кому адресовано почтовое отправление, чаще всего сам его вскрывает. Посылки и бандероли у нас ежедневно сдают тысячи людей. Вычислить человека, который ее отослал, нет практически никакой возможности. Особенно если человек не хочет, чтобы его выследили. Всегда можно воспользоваться гримом, переодеться, изменить внешность, воспользоваться вымышленным именем. Третье – этот псих-террорист явно озабочен какими-то идеями, хочет то ли подпись свою оставить, то ли... То ли просто дурак! Я имею в виду эти три буквы, которые он пишет на своих бомбах. Написаны они явно не случайно – по металлу случайно ничего писать не будешь.

«Ну почему же? – опять возразила я про себя. – Если женщины пишут на стеклах. Как там было-то? «... Задумавшись, моя душа, прелестным пальчиком писала на отуманенном стекле заветный вензель О да Е...» Почему бы мужчинам не писать на металле какой-нибудь вензель? Может быть, и вправду эти три буквы – инициалы? Но чьи? Любимой женщины? Чушь собачья! Писать имя любимой на бомбе! Нет, это могла бы сделать женщина, мужчина имя женщины писать не станет. Любовь – женщинам, а мужчинам – что? Политика? Но он же не взорвал ни одного политика. Нет, тут пока ничего не ясно...»

– В четвертых, – продолжал тем временем Игорек, – у него прослеживается определенное пристрастие к людям, связанным с наукой.

– Ты забыл про роддом и поликлинику, – перебила я его. – Какое отношение имеет к науке роддом?

– Никакого, – вздохнул Игорь. – Это пока загадка.

– В этом деле пока сплошные загадки, как я понимаю, – сказала я. – Свалилось оно на наши головы.

– Ну, в этом мы сами виноваты, – возразил Игорек.

Я видела, что он в отличие от меня горит энтузиазмом, ему хочется принять самое активное участие в расследовании. Продемонстрировать свои дедуктивные способности, доказать самому себе, что он талантливый сыщик. Иногда я просто недоумеваю – почему он оказался спасателем, а не следователем в уголовке? Кстати, в этом есть тоже какая-то загадка, то, что называют тайной личности. А у меня, интересно, есть какая-нибудь тайна? Кроме Сергея?

Углубиться в эту тему мне не дал звонок в дверь.

– Врач! – воскликнула я. – Тот, которого Литвинов обещал. Как раз час прошел.

Игорь пошел открывать, а я стала обдумывать, как нам лучше договориться с врачом о связи. Наверное, я дам ему номер мобильного телефона Грэга. А при необходимости буду звонить к Игорю сама.

Игорь о чем-то говорил с врачом, причем почему-то уже на повышенных тонах. Вечно он сцепится с кем-нибудь по пустяку. Вот Кавээн – тот из-за ерунды никогда не связывается. А если уж связывается... Кулаки-то у него пудовые.

– Да ты на кухню проходи, – послышался голос Игорька, и вслед за этим он пропустил вперед мужчину. Тот шел, глядя под ноги и слегка наклонив голову. Знакомая, кстати, манера. Короткие волосы слегка топорщились на затылке. Я почувствовала, как мое спокойствие куда-то исчезло, и мне показалось, что я сижу не на своей табуретке, а словно на круглом вертящемся роляльном стуле, ножка которого поднята метров эдак на пятьдесят. Стоит мне пошевелиться, как я полечу вниз и непременно разобьюсь...

– Сергей... – пробормотала я. – Как ты здесь...

– Ольга? – Он резко остановился и посмотрел удивленно на меня, потом на Игорька. – Вы договорились с Литвиновым. Вы его попросили, чтобы он меня сюда...

Он резко замолчал и потер правой ладонью левую щеку. Еще один знакомый жест. По груди у меня разливалось что-то жгучее. Было больно и одновременно как-то сладко.

– Впрочем, вы, конечно, ни при чем. Я сам напросился, лишь бы из больницы вырваться. Но при чем здесь ты?

Сергей посмотрел на меня.

– Я спасла эту женщину в роддоме, – ответила я. – У нее психическая травма, а ей рожать. Она себя школьницей представляет, девственницей.

Мне казалось, он меня поймет. Он все же долго был со мной вместе, неужели он не знает, что я за человек? Почему он всегда задает такие вопросы?

– Тебе-то что до этого? – Он смотрел мне в глаза, и я не могла определить, с насмешкой он смотрит или с вызовом.

Волна какого-то тяжелого жара захлестнула ноги, поясницу, начала подниматься к груди. Я его уже совершенно искренне ненавидела. Какое ему дело, зачем это мне нужно?! Нужно! И все! Это мое! В этом моя суть! Ему не нравится? Ну и пожалуйста. Я вдруг почувствовала, что у меня сейчас слезы сами потекут из глаз и я не смогу их удержать.

– Объясни ему, Игорек, как со мной связаться, если ей потребуется помощь. Моя помощь! – Я сказала это Игорьку, уже отвернувшись от Сергея, чтобы тот не видел моих покрасневших глаз, и вышла в коридор.

Я даже к Ларисе заходить не стала. Она перенервничала и сейчас, наверное, спала. Мне нужно было уйти. Я не могла находиться в одной квартире с Сергеем. Не дожидаясь Игорька, я спустилась по лестнице, вышла из подъезда и направилась к машине.

Его не пришлось ждать долго. Он молча открыл машину, подождал, пока я усядусь, и включил зажигание.

– Григорий нервничает уже, наверное, – сказал он самому себе и больше за всю дорогу не произнес ни слова.

Игорек все же хороший друг. Понял, что не хочу я сейчас говорить ни о чем. Хотя о моих отношениях с Сергеем не знал абсолютно ничего. И видел его второй раз в жизни.

Глава третья

Григорий Абрамович встретил нас мрачнее мрачного. Махнул рукой – садитесь, мол, и вновь уткнулся взглядом в бумажку, которая лежала перед ним на столе. Молчал.

Я вопросительно посмотрела на Кавээна. Тот пожал плечами. Потом подсел ближе и прошептал:

– Полчаса назад факс из Москвы получил. С тех пор так и сидит.

Григорий Абрамович уловил, наверное, что мы шепчемся, поднял на нас глаза и вздохнул.

– От нас требуют активных действий, – сказал он наконец. – И правильно требуют. А мы сидим, не знаем, с какого конца подступиться.

Мы помалкивали. Командир сам знает, что и когда сказать. С расспросами приставать не стоит. Сам скажет все, что нам нужно знать.

– На, Игорек, прочитай, что мне из Москвы прислали.

Грэг передал Игорю бумагу. Тот посмотрел, сделал круглые глаза и начал читать.

– «По делу о серийном террористе сообщаю, что сегодня в 10.34 утра совершено убийство директора Московского института общественных проблем академика Федосеева. Он погиб в результате взрыва бомбы, присланной ему под видом бандероли по почте. На месте взрыва обнаружены детали взрывного механизма, аналогичные проходящим по порученному вам делу. Приказываю немедленно приступить к активным оперативно-розыскным мероприятиям. Доложить об успешном завершении работы не позднее седьмого сентября мне лично...»

Игорек повертел листок в руке и добавил:

– Без подписи. Прямо чертовщина какая-то. Мы же сегодня только про этого самого Федосеева с Ольгой говорили.

– Чертыхаться будешь, когда тебя уволят из спасателей к лысому лешему.

Григорий Абрамович сам был абсолютно лыс, и последние слова прозвучали в его устах довольно забавно. Но никто из нас даже не подумал улыбнуться. Если Грэг начал ругаться, значит, наши дела действительно плохи.

– У вас есть хоть одно дельное предложение?

Григорий Абрамович смотрел на нас сквозь свои очки гневно. И в самом деле как учитель истории на не выучивших домашнее задание школьников.

Игорек скромно помалкивал. Кавээн неожиданно встал и заявил:

– У меня предложение. Такое. Меня отправить в аэропорт. Через полчаса там прибывает борт с гуманитарной помощью. Из Москвы.

Мы с Игорьком не возражали, а Григорий Абрамович только головой кивнул: согласен, мол. Все равно на таких совещаниях от Кавээна толку никакого. Пусть лучше гуманитаркой займется. Это его конек. Никто в Тарасове не умеет лучше Кавээна распределять гуманитарную помощь. И он всегда по-своему ее распределяет, чего бы там ему ни говорили сопровождающие или встречающие. Кавээну все наперед известно. Я знаю некоторых спасателей, наших, тарасовских, причем далеко не рядовых, которые как только увидят Кавээна в аэропорту поджидающим борт с гуманитаркой, так все сразу бросают и бегут подальше от греха. Его место, конечно, сейчас там, это он прав.

– Ты что предлагаешь, Николаева?

Вопрос Грэга вернул меня к действительности, которая заключалась в том, что Игорек сидел красный как рак, а Грэг смотрел на меня в упор и ждал ответа. Судя по всему, Игорек ему уже ответил.

Отвечать мне, собственно говоря, было нечего, ни одной идеи у меня в запасе не было, кроме Ларисы Чайкиной, которую я ему и под расстрелом не сдала бы.

«Будь что будет», – подумала я.

– Я предлагаю дать нашему террористу имя, – сказала я и уже приготовилась к какому-нибудь ядовитому замечанию, ставящему под сомнение мою профессиональную пригодность как психолога.

К моему удивлению, Григорий Абрамович отнесся к моему предложению заинтересованно.

– Хм, предложение Николаевой только на вид глупое, – заявил он. – По-моему, в нем есть смысл. Ты как считаешь, Игорь?

Игорек, по-видимому, получил только что на полную катушку и готов был сейчас с чем угодно согласиться, даже с приказом неделю читать устав спасательской службы вместо детективных романов.

– Я поддерживаю Николаеву, – сказал он. – А то что мы все – «он», «террорист», «псих». Мы скоро друг друга понимать перестанем.

– Ну, вот этого, я думаю, никогда не произойдет, – возразил ему Грэг. – Но смысл в ее предложении, без сомнения, есть.

Он посмотрел на нас с Игорьком, приглашая высказываться.

– Ну и как же мы его окрестим?

Игорек рванулся вперед. Опять меня опередить хочет. Его желания часто бегут впереди его разума. Ну, что ж, слушаем.

– Как бы мы его ни окрестили, – заявил он, – это будет кличка, ни больше ни меньше. В ней будет содержаться только информация о нашем к нему отношении. От этого предлагаю и отталкиваться. «Псих», по-моему, достаточно точно его характеризует.

– А какие у тебя основания считать его психически ненормальным? – возразил Игорьку Грэг. – Освидетельствования его никто не производил. Ты тем самым навязываешь нам версию, ничем пока не подкрепленную.

– Да на такое способен только откровенный псих! – горячился Игорек.

– Это только твое мнение, но не факт, – перебил его Грэг. – Эх ты, мистер Марпл!

Игорек опять покраснел. Вот если бы его назвали именем его любимой английской старой леди просто, без всяких там «эх ты», он был бы, наверное, очень доволен. Посчитал бы это комплиментом.

– А ты что скажешь? – повернулся Григорий Абрамович ко мне.

– Игорь, наверное, не прав только в одном, – сказала я. – В имени этого человека должно выражаться не наше к нему отношение, а наше о нем представление. Кое-что о нем мы все же знаем. Он ненавидит людей науки, пишет на своих бомбах странные буквы С-Б-О, бомбы свои изготавливает сам. Что еще?

– Роддом зачем-то взорвал и поликлинику, – добавил Игорек. – И еще. Живет он, скорее всего, в Тарасове, здесь взрывов было больше всего, но посылки любит посылать по почте. И не только по тарасовским адресам. А что? Давайте его Почтальоном назовем!

– Нет, Игорь, он же сам посылки своим жертвам не доставляет, – опять возразил Грэг. – Значит, уже не Почтальон.

– Ну, не знаю тогда, – буркнул Игорь, обидевшись, наверное: уже два его предложения не прошли.

– А еще он иногда пишет своим жертвам письма, – напомнила я. – Григорий Абрамович, у вас есть копия одного письма, того, которое сохранилось. Давайте еще раз посмотрим.

Грэг полез в свой стол и вытащил из ящика лист бумаги с ксерокопией письма. Оно было отпечатано на машинке. Я сразу же посмотрела на Григория Абрамовича, но он покачал головой. Дело в том, что, судя по шрифту и скачущим вверх и вниз буквам, машинка была старая. Достаточно старая, чтобы служить еще в советское время в каком-нибудь учреждении. А тогда каждая пишущая машинка стояла на учете и была занесена в картотеку.

– Машинка списана в девяностом году и сдана в утиль завхозом института прикладной математики Тарасовского госуниверситета. Завхоз умер год спустя от рака легких в возрасте семидесяти пяти лет. С этой стороны все чисто. Ты лучше прочитай, что там написано, стиль оцени. Кто-то говорил, не помню, что стиль – это человек. Иногда многое можно понять о человеке по тому, как он пишет, какие слова употребляет.

– «Уважаемый коллега! – прочла я. – В знак признания ваших заслуг как выдающегося педагога, выдающегося ученого, примите мои самые искренние поздравления! Я уверен, что от таких, как вы, зависит будущее науки, самой мощной интеллектуальной силы нашего времени. Общество, которое построят ваши ученики, будет свободно от всяких ограничений со стороны нашего вечного общего врага – природы! От вас, от ваших учеников зависит, чтобы оно не было похоже на то страдающее язвами и пороками современной цивилизации общество, которое я изобразил в этой книге. Примите от ее автора скромный подарок, который вы сумеете, я уверен, оценить в должной мере и почувствовать всю смертоносность современной цивилизации, всю взрывоопасность ее состояния. Действительный член РАН Федосеев».

– Что-то я не понял последнюю фразу, – сказал Игорь. – Он же там прямым текстом о взрыве предупреждает! Ну, наглец!

– Ничего он не предупреждает, – возразил Грэг. – Издевается он, только и всего.

– У меня появилось такое соображение, – подала я свой голос. – Письмо, как мы знаем, писал тот, кто прислал бомбу. Мне кажется, он должен был достаточно хорошо знать профессора Мартыненко. О том, что приближается его юбилей, в газетах вряд ли писали. А тут достаточно точно оценен его вклад в развитие науки. Отдан приоритет его преподавательской деятельности перед наукой, что полностью соответствует действительности. Что, если это один из его коллег по университету?

Григорий Абрамович кисло сморщился.

– Маловероятно, но проверить придется. Сколько человек работает на мехмате?

– Сто двадцать шесть, включая ассистентов, аспирантов и лаборантов, – отрапортовал Игорек.

– А ты откуда знаешь? – удивился Грэг.

Игорек опять густо покраснел. Нет, положительно, везет ему сегодня!

– Так. Училась там в аспирантуре одна моя знакомая.

– Ты и займешься этим. Проверишь всех, кто сталкивался по работе с Мартыненко, поищешь, не было ли у кого причин желать его смерти.

– Григорий Абрамович, у меня идея появилась. – Я даже привстала на стуле, такой интересной показалась мне моя мысль. – Каким образом в сознании этого человека соединились ненависть к людям науки с ненавистью к поликлиникам и роддомам, мы, конечно, не знаем, но чтобы искать его в окружении профессора Мартыненко, нам этого и не нужно. Нужно только узнать – не пересекался ли кто-нибудь из людей, которые его знали, с той же поликлиникой и с тем же роддомом! Это уже была бы зацепка!

– С роддомом связаны те, кто в нем работает или работал, – тут же отозвался нетерпеливый Игорек, – и женщины, которые в нем рожали.

– Добавь сюда младенцев, которые в нем родились, – дополнила я, – и первой в список включи меня. Я тоже родилась у вокзала, правда, еще в старом здании роддома. Но убийца-то тоже не младенец.

– Учитывая, что в Тарасове всего шесть родильных домов, минус приезжие, минус те, кто родился в других городах, – бросился прикидывать Игорек. – Остается проверить всего примерно десятую часть населения Тарасова. То есть чуть больше ста тысяч человек. А может быть, чуть меньше. Короче – около ста тысяч. Силами всего управления – это год работы.

Возникла пауза. Потом Игорек решил уточнить результат своих блиц-подсчетов:

– Это если работать по двадцать четыре часа в сутки.

Грэг посмотрел внимательно на него, потом на меня и сказал укоризненно:

– Напрасно ты нам тут цирк устраиваешь, Игорь. Ольга как раз этим и займется. Только задачу мы ей слегка ограничим. Нужно будет проверить, нет ли точек соприкосновения у тех, кто знал профессора Мартыненко, и тех, кто рожал в этот день в этом злополучном роддоме. Это уже гораздо меньше ста тысяч человек. Я думаю, за пару дней можно справиться.

Я приуныла. Веселое задание, ничего не скажешь. Ворочать бумаги и не видеть ни одного реального человека. Я привыкла с людьми работать все же, а не с бумагами. Основа моего метода – прежде всего общение с человеком, а из этого возникает уже все остальное: мнения, версии, предположения, заключения и выводы.

На этом наше первое совещание закончилось, как и первый день неожиданно свалившегося на наши головы расследования. Григорий Абрамович отпустил нас отдыхать. Я попросила Игорька позвонить к себе домой, узнать, как там Лариса. Самой мне очень не хотелось разговаривать с Сергеем. Даже думать о нем я не хотела.

Игорь передал, что обстановка там, по выражению врача, терпимая, признаков начинающихся родов не наблюдается. Лариса ведет себя достаточно спокойно, уходить никуда не пытается. Ночь, как он предполагает, пройдет спокойно. Я успокоилась и поехала домой, а Игорь отправился ночевать к маме, язвительно поблагодарив меня на прощание за предоставившуюся ему возможность посетить любимую мамочку, которая жила на самой окраине. Добираться туда нужно было двумя маршрутными автобусами плюс десять минут пешком. Вот и отлично – пусть навестит свою старушку, не слишком часто он это делает в свои тридцать лет.

...Ночь показалась мне просто-таки рекордно короткой. Не успела я заснуть, как прозвенел будильник, намекая, что пора вставать. Я даже удивилась такому странному явлению. Последнее время мне заснуть удавалось далеко не сразу, и ночь обычно тянулась, словно не август на улице, а как минимум декабрь.

Как я ни старалась появиться в управлении первой, пришла только третьей. Кавээн с Григорием Абрамовичем были уже на месте, не хватало лишь Игорька, но мы все уже знали – когда Игорек попадает в гости к маме, он всегда опаздывает минимум на час. Жалеет она его, будильник всегда переводит, чтобы сынок получше выспался. Грег смеется над Игорьком, но не наказывает.

За тот час, пока не было Игоря, я успела кучу дел переделать. Достала в горздравотделе список сотрудников второго родильного дома. Их оказалось больше сотни. Выяснила, куда перевезли документацию на рожениц из взорванного роддома, и раздобыла себе ксерокопии списков рожениц, поступивших за последние десять дней, предшествовавших взрыву. Их тоже получилось больше сотни. Несколько минут размышляла, не поехать ли мне на мехмат и не раздобыть ли еще и список сотрудников факультета. Но потом отказалась от этой мысли, единственно потому, что не захотела портить настроение Игорьку.

Он же непременно сочтет, что я сделала это специально, чтобы навредить ему в глазах Грэга. К своему рейтингу в группе Игорек относится очень болезненно. Ему всегда хотелось быть первым. Может быть, именно поэтому он оказывался чаще всего вторым или даже третьим? Похоже, Игорек плохо усвоил одно из правил неписаного кодекса спасателей, которое гласит: «Не старайся доказать, что ты работаешь лучше всех. Просто помни об этом».

Вместо того чтобы перебегать Игорю дорогу, я поехала навестить Ларису, посмотреть, все ли с ней в порядке. Хоть Григорий Абрамович и сказал, что его ночью никто по этому вопросу не беспокоил, я все же хотела убедиться сама, что мне тоже пока нечего беспокоиться. Возможно, была у меня и другая причина туда съездить, но я не хотела в этом признаваться даже самой себе.

– Проходи, – сказал мне Сергей, открыв дверь на мой звонок. – Она тебя ждет.

– Подожди, Сережа, – неожиданно для самой себя сказала я, задержав его в коридоре. – Я хочу тебя рассмотреть.

Вероятно, он внутренне напрягся, но я не в состоянии была это заметить и понять. Я видела перед собой его лицо, которое я так когда-то любила и целовала. Его глаза, его взгляд, который часто растворял мою волю, словно воск, и подчинял себе, заставлял делать все, что он захочет. И мне нравилось ему подчиняться.

Нравилось чувствовать себя его рабыней, его вещью. Я забывала о себе совершенно, я воспринимала себя как бы со стороны, вернее, не со стороны, а его глазами. Я была той, кто приносит ему удовольствие, и это очень сильно меня возбуждало.

Но проходили какие-то мгновения, что-то менялось то ли в его взгляде, то ли во мне самой, и хрупкий мир радости и наслаждения рушился. Я боялась этих минут. Во мне начинало подниматься раздражение на его власть надо мной, и власть эта тут же кончалась. Я оказывалась свободна и неприступна. Я начинала смеяться над ним, даже унижать его. А он иногда соглашался на это, а иногда начинал резко сопротивляться, и все заканчивалось самым банальным скандалом. То он уходил, то я убегала, ходила по улицам, совершенно ни о чем не думая, с единственным желанием в душе: чтобы, когда я вернусь в свою квартиру, его там не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.